

Гюльгусейн Гусейноглу

ПОЛЕТ ОРЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ И РАССКАЗЫ

Перевод

с азербайджанского

Посвящаю светлой памяти отца

ТОГРУЛ АБДУЛЛАЕВ

Гюльгусейн Гусейноглу – известный азербайджанский писатель, работающий преимущественно в области малых форм, он автор более пятнадцати сборников, изданных на родном языке. Перу Г.Гусейноглу принадлежит несколько повестей, а также монография о жизни и творчестве одного из зачинателей азербайджанской советской поэзии – Микаила Мушфика.

Первый свой рассказ Г.Гусейноглу опубликовал в 1944 году, а первое стихотворение в прозе – в 1946 году. С тех пор они остаются его излюбленными жанрами.

В сборник «Полет орлов» вошли произведения разных лет. В первом разделе представлены стихотворения в прозе – лаконичные и афористичные, проникнутые глубоким лиризмом, яркой эмоциональностью. И неслучайно, замечательный мастер прозы Константин Федин высоко отзывался о них, причислив их к настоящей поэзии.

Вторую часть книги составляют рассказы. Их объединяет пристальное внимание писателя к этическим проблемам, волнующим наших современников.

Произведения Гюльгусейна Гусейноглу публиковались в переводах на русский язык и другие языки народов нашей страны, а также в переводах на ряд зарубежных языков.

Художник

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

КАК ТЫ САМА

Не называю тебя солнцем. Не назову. Солнце одно у всех. Четыре миллиарда человек согревает оно. И будет согревать. И нас – вместе со всеми.

И луной не называю тебя. Не назову. И она у всех одна. Четыре миллиарда взглядов тянутся к ее свету. И те, кто любит и любим, и те, кто ждет и заставляет ждать, и те, что соединились, и те, что тоскуют, и те, кто колеблется и переживает, - все смотрят на нее и радуются, и доверяются ей, открывают свои сердца. И будут открывать. И мы – вместе со всеми.

Ты – для меня такая, какая есть. Просто ты. Мне нужна ты. Сама. Ты как есть. С твоим дыханием, теплом, лаской, добротой, естественностью, простотой, прямоотой, целомудрием, вниманием, заботой, трудолюбием, привязанностью к земле, - со всем твоим существом.

Не обещаю тебе целого мира с его прекрасными реками и морями, горами и лесами и звездами – мерцающими, перемигивающимися и тающими в широких небесах. Какое мне дело до них?! И в моих ли это силах? Могу ли я говорить от имени человечества?!

Да, не обещаю тебе ничего, что не принадлежит мне, что не доступно мне и на что не могу рассчитывать; не обещаю, не вправе обещать, не стану...

Только не считай меня скупым на обещания. Я готов обещать все, на что хватает моих сил; все, что принадлежит мне; все, на что могу рассчитывать. Вот, пожалуйста, пока бери мое сердце. Сердце, что тоскует по твоему сердцу, что жаждет соединиться с ним.

А что скажет твое сердце?

23 мая 1976 г.

ДРАКОН

Дети собрались мигом.

Стайкой ласточек показались они матери, стайкой ласточек, что вот-вот взлетят.

Начался фильм. Мультфильм – для детей, а для матери – смех ребят ее.

- Была бы я маленькой, смотрела бы как вы!...

Слова эти, непроизвольно вырвавшиеся у матери, странными, очень странными показались детям. На лицах удивление появилось, в глазах возникли вопросы. Один, тот, что маменькиным баловнем был, сказал без смущения:

- Ну и смотри, мама. Тебе же глаза не завязывали.

Мать не сразу и сообразила, что ответить баловню своему, любимчику. Хотела было сказать: «Не завязали мне глаза, детка, не завязали. А вот...». Но не сказала мать, не произнесла вслух того, что думала.

- А я и смотрю, детка. Уже смотрю...

Она и смотрела. Но скорее не на экран телевизора, а на лица детей, на улыбки, растекавшиеся по их лицам, - на чистосердечные, безудержные улыбки.

Комната наполнилась смехом, смех перешел в хохот...

Но вдруг хохот прервался, лица детей переменились.

Мать глянула в телевизор и все поняла: уродливая морда дракона расплылась по всему экрану.

Свирепый дракон вытворял все, что ему вздумается.

Мать молча шепнула: «Дракон! Сгинь, чудовище, слизнувшее улыбки моих детей, моих ласточек. До чего же знаком мне твой оскал!...».

И оно скрылось. Прошло время. Но на лицах детей не появились улыбки.

И мать с горестью прошептала:

- Вот так и война... Я не ошибаюсь – она самая, война. Да, тот дракон, который столько горя, столько забот навалил на наши плечи. А ведь и у нас было право на беспечное детство. Но дракон этот поглотил улыбки нашего детства, детства нашего поколения.

3 мая 1974 г.

ТОСКУЮ...

На одну и ту же лестничную площадку открывались наши двери. На одну и ту же...

- Здравствуй, - говорила ты.

- Здравствуй, - говорил я.

Утром, вечером. Говорили.

Радостью, что источали сердца, горем, что впитывали сердца, делились.

* * *

Зачастили к вам люди, которых я прежде не видел и не знал. И однажды....

- Здравствуй...

Нет, мне показалось, ты что-то другое сказала, что-то другое. «Что мне поделать?... Свататься приходили... Что мне ответить?...»

- Здравствуй...

Нет на самом-то деле я сказал: «Смотри сама... Какие же советы – сердцу?!»

И однажды...

Из-под белой накидки глазами ты поздоровалась со мной.

Нет, попрощалась: «Ухожу, будь счастлив...»

И я взглядом поздоровался с тобой.

Нет, пожелал тебе доброго пути.

Много тяжелых дней было в жизни у меня. Но самым тяжелым считаю тот день, когда я взглядом пожелал тебе доброго пути. Самым тяжелым. Боже милостивый, какое бессилье порой охватывает человека! Почему я в тот день не почувствовал, не смог почувствовать, что это счастье мое уведят. Счастье мое!

«Женитьба не убежит. Дай сначала диссертацию защищу, квартиру получу, обставлю, ну, а потом и женюсь. Говорят, жена ни в чем не должна нуждаться. Не должна вздыхать, глядя на других женщин».

Не эти ль рассужденья застили мне глаза, сдерживали сердце и сбивали с толку рассудок? Что сказать? Кому открыть мое горе?

«Женитьба не убежит...»

Нет, оказывается, может и убежать. И так стремительно!...

Диссертация давно защищена, и доцентом я стал. И доктором наук, профессором стану. Есть у меня и квартира, и машина, и дача.

А зачем все это?...

Забыть хочу, забыть тебя. И не могу.

Надеюсь только на время. Но и годы не помогают забыть тебя.

Ошибаюсь. И тут ошибаюсь.

Ноет сердце у меня, плачет по той комнатке, что я снимал когда-то. По комнатке, схожей с птичьим гнездом. По той чудесной, доброй комнатке.

На одну лестничную площадку открывались наши двери. На одну и ту же...

- Здравствуй, - говорил я.

- Здравствуй, - говорила ты.

По тому приветствию, по тому «Здравствуй!», тоскую.

14 сентября 1973 г.

ЕСТЬ ОДНА ПЕСНЯ

Звездно-лунная, неотразимая ночь.

Звездная, лунная, любовная ночь. Гянджинская ночь...

Сад, ласкающий сердце и взгляд. Чинаровая роща.

Хозяин сада скрестил руки на груди. Встревожен. Очень тревожен владелец сада.

Задумчивые, печальные, тревожные глаза его останавливаются на чинаре, и сердце превращается в раскаленный уголь. Раскаленный уголь, что вспыхнул от дуновения ветерка. Хозяин сада шепчет: «Где же, где украшение жизни моей, свет души моей? Ответь мне, чинара, сверстница моя, наперсница моя, чинара, ответь мне, где же возлюбленная моя?!»

В душе его – смятение, по струнам сердца пробегает дрожь! Не может он утешиться – и не сможет. И шепчет себе самому: - «Гори, мое сердце, пылай!»

Безмолвный стон сердца, что горело и сжигало, вылился на бумагу:

Что ни ночь, то горе мне, скорбь глухая без тебя,

Не дышу – горю в огне я, вздыхаю без тебя. (1)

Это - начальный бейт газели Низами Гянджеви, положенной на музыку Узеиром Гаджибековым и впервые исполненной Бюльбюлем. (Прим.переводчика)

«Сэнсиз» - «Без тебя» - родилось в этом небольшом саду. Распространилось по Гяндже, по Азербайджану. Прошло по сопредельным землям. Перевалило через гребни столетий.

* * *

Затрепетали клавиши пианино. Затрепетали они от прикосновения рук, движимых дрожью сердечных струн.

Звуки, подобно водам тихоструйным на дне вечных долин, возникали и текли в полном безмолвии, обнимающем величественные горы в час заката:

Что ни ночь, то горе мне, скорбь глухая без тебя,

Не дышу – горю в огне я, вздыхая без тебя.

Сердце человека, чьи колдовские руки летали, прикасаясь к черно-белым клавишам, волновалось и плескалось: «Вспыхнул я от разлуки с тобой, и пламя, объявшее меня, не погасили, не смогли погасить!...»

* * *

Утром певец, слушая друга, внимая мелодии и словам «Сэнсиз», не мог усидеть на месте, прошептал самому себе: «О, «Сэнсиз», в нем живет мечта и надежда хотя бы на миг соединиться с возлюбленной, когда-нибудь и где-нибудь. Хотя бы на одно-единственное мгновенье!...»

На лицах гостя и хозяина дома появились два рубца. Это «Сэнсиз» прорезало их. «Сэнсиз» - «Без тебя».

- Ты споешь «Сэнсиз»?

- Нет, не спою, а заново переживу... Воплощусь в «Сэнсиз». И живя им, спою его.

Что ни ночь, то горе мне, скорбь глухая без тебя,
Не дышу – горю в огне я, вздыхая без тебя.

* * *

Есть песня одна. Песня песен. Дыхание трех гениев слилось в ней. Трех гениев – Низами, Узеира, Бюльбюля. Вечности принадлежит эта песня, вечности!...

30 июля 1973 г.

МОИ ДЕРЕВЬЯ

Дуб раскидистый – гордость моя!
Чинара, чинара – моя высота!
Железное дерево – воля моя!
Ивушка-ива – любовь и печаль моя!
Есть и гордость, и высота у меня.
Есть и твердость, и воля.
Есть любовь и печаль у меня.

20 мая 1973 г.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

- Ты плеснешь воды?
- Плесну!
- Не надо. Умоляю, мама! Соседей стыдно.
- Таков наш старый обычай. Вслед выходящему в дальний путь выливают воду... Что ни говори, а ты выходишь в нелегкий путь.
- Эти пути не трудны для меня, я к ним привык, мама. Ты не забывай, что я альпинист. Помни – карабкаться по камням и скалам, перепрыгивать с утеса на утес – это моя работа, моя профессия.

Плеснешь, когда отправлюсь действительно в тяжелый путь. А теперь – не надо. Хорошо?!

- Хорошо, - поспешно соглашалась мать, не находя отговорки. И все же поступала по-своему, стоило только сыну выйти на лестницу.

На плеск воды оборачивался сын и по-родственному, снисходительно, но укоризненно качал головой.

А в сердце матери зарождались и росли беспокойство, дрожь и тревога: «Возвращайся целым-невредимым, мой мальчик!»

* * *

Он, заметно волнуясь, приводил себя в порядок, прихорашивался и, поглядывая на часы, волновался все больше.

Мать не сводила с него глаз. Стараясь казаться безразличной к тревожностям сына, в душе она радовалась. Думала: «Всему свое время, сынок. Твоему отцу покойному, когда он пришел получать согласие моих родителей, не было и двадцати лет, а тебе уже двадцать третий».

Встали лицом к лицу. Сын нерешительно спросил:

- Плеснешь!?

Мать почувствовала дрожь в голосе сына. И твердо произнесла:

- Да.

Сын ничего не ответил. Сын впервые не сказал матери: «Не надо». Признательно посмотрел на всепонимающую мать. И мать прочитала по его глазам: «Мамочка, милая, хорошенько плесни, щедро плесни. В трудный путь выхожу я, мама. В трудный путь!».

Сын краешком глаза посмотрел на часы, у матери сжалось сердце. «Волнуется-то как. А говорят, любви нет. Если нет, отчего же встревожен мой мальчик?!. Счастья тебе, незнакомая девушка, счастья тебе! Пусть пойдет тебе впрок материнское молоко! Если альпинист

так волнуется, значит: серьезно. Любит от всей души. Пусть же будет и любимым!...»

Не успел сын спуститься по лестнице, как мать плеснула воды ему вслед.

На плеск воды обернулся сын. «Спасибо, мама, спасибо».

В сердце матери прибавилось гордости и радости. «Возвращайся, сынок, с доброй вестью... «Плеснешь, когда в трудный путь отправлюсь». Оказывается, самый трудный путь к сердцу любимой, сынок, к сердцу любимой!...»

18 марта 1973 г.

ОСЕНЬ

Последние плоды айвы снимаются с веток. Все меньше людей в садах. Украшением застолий становится душистая, желтая айва. Лучшим угощением. Последние плоды...

Долгие ночи наступают. Уединяющиеся ночи. Убиваемые на радио и по телевизору. Долгие ночи.

Осыпаются листья. Оторвавшись от веток, летят куда попало. Желтеют, сами не желая того. Осыпаются листья.

Ветры дуют. Дуют резко. Режут ветры, как клинки. Студят и оголенные деревья, и отдавшие урожай, обезлюдившие сады. И людей студят, спешащих в укрытия. Обжигают холодом. Ветры...

Осень... Ах, что до нее тем, кто переживает весну или середину своей жизни. А те, что вступили в пору осени, волей-неволей задумываются. Незавершенные дела, неисполненные мечты... Задумаешься. Заставляет задумываться эта грустная пора – осень!...

16 ноября 1972 г.

КАКАЯ СИЛА!...

Ты погляди, как силен твой черный день! Как силен!

Как выбелил он черные волосы!

А глянь, как силен твой светлый день, как силен!

Старается, хлопочет, бьется, а не может ни одному белому волоску возвратить черный цвет. Ни одному – единственному.

23 октября 1972 г.

ПОЛЕТ ОРЛОВ

Видел ты, как взлетают орлы, поднимая крыло о крыло, покоряя высоты?!

Особенное это удовольствие – наблюдать такое зрелище. Бесподобное зрелище. Загляденье!

Действие приближается к кульминации. Зал околдован, никто перевести дыхание не смеет. Взгляды прикованы к сцене. Сцена приворожила взгляды...

Сейчас будет умерщвлена одна из самых прекрасных, самых чистых, самых привлекательных щенщин. Невинная, она не смеет и представить себе, что когда-нибудь окажется виноватой. Будет умерщвлена мужчиной – одним из самых достойных, благородных, прямодушных, доверчивых, не знающим ни козней, ни коварства мужем. Будет умерщвлена, оставаясь безвинной. Будет умерщвлена. Руки любящего мужа превратятся в руки палача. Последние надежды, последние упования нежного создания, бесконечные мольбы и уверения не смогут удержать этих рук.

Руки сделают свое дело. Угодившее в тенета седце, сжигаемого огнем ревности, учащающее биение сотен сердце, ревущее сердце не сжалится над сердцем целомудренным и заставит его навсегда умолкнуть. Навседа...

Терпите, сердца, колотящиеся, пламенеющие, мятущиеся сердца. Терпите! Все еще ждет впереди мгновение, в которое великан накажет сам себя, беспощадно казнит себя за ужасную ошибку, совершенную им, обманутым мужем, и из-за этого обмана грызущий цепь, и мятущийся в клетке трагедии. Терпите!

Вы попали под колдовское воздействие Шекспирова гения, мощи Джаббарлы и величия Алекперова... терпите.

* * *

Три орла клекотали, соприкасались крыльями, покоряли высоты.

А зал смотрел, смотрел. Особенное удовольствие испытывал от исключительного зрелища. Бесподобного зрелища.

10 декабря 1971 г.

ВСЮ НАШУ ЖИЗНЬ

Одни говорят: «Время торопится....»

Другие говорят: «Мешкает время....»

Кто сожалеет, а кто сетует.

Время же не считается ни с сожалеющими, ни с сетующими. Ни малейшего внимания не обращает ни на тех, ни на других. Ни замедляет, ни убыстряет хода своего... Секунда увлекает секунду, минута – минуту. День сменяется днем, а год – годом.

Уходят они из жизни и того, кто сожалеет, и того, кто сетует. Уходят эти секунды, минуты, дни, годы. Уходят.

А вместо них остаются воспоминания и тому, и другому. Воспоминания! И приятными, и горестными бывают те воспоминания. Каждый подбирает то, что уронил.

Всю нашу жизнь мы идем, собирая воспоминания.

15 июля 1971г .

Белеют волосы мои. И – пусть! Что я могу поделать?

Седины пробиваются в бровях. Разве их убавят мои сетования?

Откуда взялись эти морщины, когда появились, когда угнездились у меня на лице эти морщины? Не знаю. Откуда мне знать!

Знаю только, что седины и морщины изменяют меня. Признаю это или нет – все равно изменяют.

А ты не изменяешься. Выглядишь все так же. Как волны, что перед тобой. Всегда певучие и всегда влекущиеся к берегу. Как таинственная прозрачность звездных ночей, мягко облекающая тебя. Такою же, как в первую встречу, остаешься. Как выглядела, как чувствовала тогда, как и теперь. Так же. Такою же. Остаешься. И останешься.

В сознании моем, в памяти моей, в мечтах моих.

4 апреля 1970 г.

ШКАТУЛКА

Когда ее, невесту, провожали в дом жениха, всплеснула руками мать: «Какая же невеста – без шкатулки!» - и положила поверх приданого дочери шкатулку. Небольшую, с выцветшими узорами.

Памятью о бабушке была шкатулка, теперь перешедшая к внучке.

Стала она в шкатулке хранить обручальное кольцо, золотые часы и серьги. На самую верхнюю полку платяной ниши поднялась шкатулка.

И стала молодая жена матерью. С подарком пришел муж домой. Открылась шкатулка. Золотой браслет в нее молодая мать опустила. И закрылась шкатулка.

Второй ребенок в семье появился. Открылась шкатулка и снова закрылась.

Третий..... Четвертый.... Пятый....

Открывалась шкатулка. Закрывалась шкатулка.

И наполнилась. Доверху.

* * *

Война взяла мужа ее, отца ее детей. С нуждой столкнулась мать. Ни дня, ни ночи не было без хлопот, только не опускала руки мать, не опускала. Нельзя было ей опустить руки. Ни минуты не сидела без работы, ни одной минуточки. А заработка не хватало, никак не хватало....

Открывалась шкатулка. Закрывалась шкатулка.

И обручальное золото, и подарки мужа шли на базар.

Печально раскрывалась шкатулка и закрывалась печально.

И опустела шкатулка. Дочиста.

* * *

Необычайно радостным пришел однажды ее первенец домой. С дипломом пришел. С первым в их семье дипломом.

Поднесла мать к губам диплом, к груди прижала, прослезилась и давным-давно позабытую шкатулку вспомнила. Руки матери, добрые, заботливые руки, прикоснулись к шкатулке, и та словно ожила. Радостно раскрылась шкатулка и закрылась радостно.

Еще один диплом...

Еще один...

Еще...

И еще...

Раскрывалась шкатулка и снова закрывалась.

И наполнилась шкатулка. Доверху.

Мать взяла шкатулку, гладила ее, ласкала. Долго-долго. И проходило перед глазами давнее, да незабытое. Девичество... Свадьба... «Какая же невеста – без шкатулки!»... Замужество... Подарки мужа. И нужда – страшная, отчаянная... И слезы – тайные, горькие...

Снова подняла мать шкатулку на самую верхнюю полку, и показалась она тяжелей, чем прежде, когда в ней лежало обручальное кольцо и золотые подарки мужа.

Нет, не показалось. Это так и было. Это так и есть.

1 сентября 1969 г.

ОДИН ДЕНЬ

С тех пор как он помнил себя, никто не видел его слез. «Не пристало мужчине плакать, - возмущался он. – Не потоки ли слез, будто цепи, опутывают многострадальный Восток и вынуждает топтаться на месте тогда, когда история совершает стремительные скачки?»

Но однажды...

Да, однажды на его глазах выступили слезы. И какие!...

В день, когда после многолетних ожиданий исполнилась его мечта, в самый счастливый день своей жизни заплакал он. Слезы навернулись на его глаза, навернулись и пролились. Мгновенно навернулись и пролились.

Это было в день рождения его любимого, долгожданного детища – газеты «Экинчи», в день зарождения нашей азербайджанской печати. Двадцать второго июля. Тысяча восемьсот семьдесят пятого года. Один день одного месяца, одного года. Но какой день!...

Год иной и дня не стоит –

Года стоит день иной, -

сказано народом. Прекрасно сказано!

Один из дней, что стоит многих лет, вписал в историю моей земли, в историю моего народа он, Гасанбек Зардаби, первый азербайджанский журналист. Один день, что стоит многих лет.

17 августа 1969 г.

ДОЧЕРИ ТАТАРИИ

Воду пьют из Идели, дышат ранней свежестью, зорями любят дочери Татарии.

Из трав ароматных и цветов ароматных берут аромат и цвет, поражают красотой своей влюбленных, сердца воспаляют дочери Татарии.

Песни обожают, творцов песни любят, Тукая в сердце носят, Тукая с собой берут как приданое дочери Татарии.

Сколько же их, своячениц нашего Узеира и Муслима нашего, милых, пригожих дочерей Татарии!

Казань, 2 июня 1969 г.

Основоположник азербайджанской профессиональной музыки Узеир Гаджибеков и видимый азербайджанский композитор Муслим Магомаев были женаты на татарках-сестрах Терегуловых. (Прим. Переводчика)

СЕРДЦЕ МОЕ

Сердце мое, сердце! Что поделать с тобою?!

«Люблю», - сказал он.

«Не люблю», - ответило ты.

Не появляется он больше. Не выходит, как бы случайно, навстречу, идя на работу и возвращаясь с нее.

Патриотом нашего музея был. Сам себя называл так. На все выставки приходил. Ни одной не пропускал, ни одной. Где же он теперь? Уж третья выставка меняется. Не приходит, не показывается.

И девичью башню забыл, Девичью башню, которая пленила его. Так и кажется, что стоит он где-то возле нее. Но это только кажется. Нет его, нет.

Сердце мое, упрямство было это или причуда? Теперь ты горько платишься. «Люблю... люблю... люблю...» - твердишь ты.

Сердце мое, сердце! Что поделать с тобою?!..

15 мая 1969 г.

ГУМАНИЗМ

Подул ветер,

С огромного дерева упал один листок.

- Что стало с деревом?

- Велика ли его потеря?

- Нет, вы представьте листок, упавший под ноги, дрожащий от легчайшего прикосновения ветра. Неприкаянный листок...

Переделкино, 6 марта 1969 г.

СВИДАНИЯ

Свидания!... Свидания!... О чем только не говорится на свиданиях!...

Выходили на свидания и они. Как все влюбленные и любимые.

Говорили и они. О любви говорили, неразделенной любви.

Из всего, что говорила девушка, в сознании юноши всегда оставалось одно. Только одно.

На одном из свиданий она, между прочим, обронила:

- Двоюродный брат мой, сын дяди по отцу, хочет заслать к нам сватов.

Двоюродный брат – ювелир.

На другом свидании просто так обмолвилась:

- Мама говорит, что светловолосому парню я очень понравилась.

Светловолосый парень – сын министра.

На следующем свидании умело ввернула:

- Тетя моя, мамина сестра, каждый раз, как наведывается к нам, расхваливает парня, что на черной «Волге» ездит...

Папаша парня, что разъезжает на черной «Волге», - академик.

И девушке в память запало одно-единственное из всего сказанного парнем на свиданиях. Да как еще запало!

- Очень я нравлюсь чернявой девушке, нашей соседке по кварталу. Мать моя говорит: «Если эта девушка станет моей невесткой, могу умереть спокойно». И тетя моя, сестра матери, гудит мне в уши: «Не девушка, дескать, а жила золотая. Упустишь – потом будешь бить себя по голове. Всю жизнь раскаиваться будешь!..»

На заводе оператором работает чернявая девушка.

Последним стало это свидание. Последним.

Переделкино, 21 февраля 1969 г.

КРАСАВИЦА

В троллейбус вошла девушка. Двадцати-двадцати двух лет. Красавица. И статью, и поступью, и взором – всем взяла.

Мужские головы повернулись к ней как по команде. Будто подсолнухи к солнцу.

Близидящий юноша тотчас уступил место.

- Спасибо, - сказала она негромко и села.

Юноше показалось, поблагодарили его не только губы ее, но и длинные ресницы, и слека румяные щеки, и чуть горделивые глаза.

Он был на седьмом небе. Учтивый, счастливый улыбкой ответил он.

Красавица села и задумалась. И все вокруг для нее исчезло.

Неожиданно ее глаза, гордые красотой и уверенные в ней, остановились на женщине сорока – сорока двух лет, сидящей напротив. Почему она не обратила внимания на нее сразу как вошла? Почему не заметила этого печального, этого грустного взгляда? Почему?

А во взгляде женщины затаились печаль и сожаление. Печаль и сожаление, вызванные неожиданной встречей со своей красотой и молодостью, что остались где-то на двадцать лет позади. Печаль и сожаление, не омраченные ни малейшей тенью ревнивой зависти.

Как только женщина ощутила на себе взгляд девушки, эта просветленная печаль, эта целомудренная грусть сменились отчуждением. Таким отчуждением, что выражает готовность к самозащите.

Их взгляды скрестились. Блеснула невидимая молния, раздался неслышный гром.

Заговорили глаза:

«Ты надеешься на красоту?»

«Разве я виновата?»

«Молодость быстро проходит».

«Можно ли удержать?»

«Увы, увы!»

Взгляд женщины смягчился. В нем появились добросердечность и искренность. В нем появилось тепло.

Во взгляде девушки исчезла самонадеянность. Доброта и душевность затеплились в нем.

«Все смотрят на тебя».

«Знаю».

«Не теряй голову».

«.....»

Девушка опустила глаза. Но вскоре снова взглянула на женщину.

«Что же делать?»

«Берегись этих подсолнухов. К свету тянутся они. К свету».

Остановился троллейбус. Поднялась с места девушка.

«До свиданья».

«Храни тебя господь!».

Сошла девушка. «Подсолнухи» опять крутнулись, вытянули шеи.

Девушка шла, ощущая все чаще на себе взгляды прохожих, глубже постигая смысл предостережения недавней попутчицы.

«Берегись их. К свету тянутся они, к свету».

23 сентября 1968 г.

ПРОТОЧНАЯ ВОДА

Гляжу на проточную воду – прозрачную, как роса. Журчит она. Течет... течет.

Гляжу – и сердце мое растекается.

Гляжу на проточную воду. И душа расцветает, и руки превращаются в крылья, и сокращаются дальние пути. И крепнет, крепнет надежда.

Гляжу на проточную воду. Течет она, течет.

Проточная вода не терпит застоя.

Люблю я проточную воду, люблю.

30 июля 1968 г.

Они говорили наперебой. Юноша – свое, девушка – свое, оба сразу. И не слушали друг друга. Говорили слова противоречивые, резкие слова. От них холодело сердце, путались мысли.

И разошлись они. Каждый – в свою сторону. Разошлись.

Минул день, истек другой. Проходила запальчивость, прояснились мысли.

Девушка думала: «Нехорошо получилось, неладно. Нагрубила я. Ну и характер у меня! А что – если я?... Нет, ни за что на свете. Умру – не уступлю!...»

Юноша бродил по городу: «Не подступи ко мне, когда рассержусь. Что же теперь будет? Нет, не пойду первым, подумает – умираю из-за нее. А что, разве – нет? Все равно – не подойду. И не подходи, и не надо!... Посмотрим, насколько тебя хватит!...»

Раскаянье росло с каждым днем. Но, гордость - будто ограда разделяла их. И преодолеть эту ограду у девушки не хватило воли, а у юноши – решительности. А раскаянье жгло сердца, что давно соединяла любовь, забытая в порыве отчуждения. Разгорелся невидимый огонь. Никто не замечал дыма, не ощущал его горечи. И кто мог бы догадаться! Девушка только-только собиралась открыться матери, а тут возьми и случись это!..

И размолвка длилась вопреки их желанию.

Девушка изнывала: «Ни слуху ни духу... Одна надежда остается. На один день. А сердцу не терпится, нет никакого сладу. Когда же он наступит, один-единственный день, когда же!...»

Юноша тоже терял терпенье: «Затянулось, слишком затянулось! И никто не помирит нас. А кому бы? Ведь ты об этом ни с кем ни слова. Что же делать? Что же нам, бедным, делать? Помириться. А как? Пойди к ней, скажи: «Давай помиримся». Так я и сказал! Нет, вся надежда на этот день. Единственный день в году. Скорей бы, скорей!...»

И настал этот день, настал!

Девушка – по давнему обычаю – в новом платье, новых туфлях поспешила туда, где они встретились когда-то впервые, где всегда встречались потом, где поссорились под конец. А сердце екало: «Придет ли? Должен прийти, не может не прийти. Ведь сегодня такой день!»

Походя к древней иве, самой старой в приморском саду, девушка увидела его. «Ах, какой прекрасный праздник – Новруз-байрам, старинный праздник Нового года, праздник Весны!»

И юноша увидел ее, шагнул навстречу. «Я же говорил – придет! Спасибо тебе, Новруз-байрам, в честь тебя прощаются обиды, прекращаются ссоры, ты – настоящий праздник влюбленных, большое тебе спасибо!»

И заговорили они, и слушали друг друга, и слова – сердечные, добрые слова не перебивали, а продолжали одно другое...

- Давай дадим слово: не ссориться больше. А то ни у тебя, ни у меня сил не хватит терпеть целый год!

Июль 1968 г.

НЕ ХОЧУ

Какое ты, море, тихое, молчаливое! Море-море, мне жаль тебя!

Что ты, как безлюдное и бескрайнее поле, распростерлось предо мной в полусне?

Проснись, море! Взбурли свои волны. Вся твоя красота и суть – в волнении.

Взволнуйся, море! Яви свою красоту и суть. Докажи, что ты – море!»

Взволнуйся, море! Не хочу тебя видеть без волнения, без тревоги. Не хочу, море, не хочу!

17 февраля 1968 г.

ЯЗЫК МОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ

С молоком матери, с воздухом Отчизны в плоть и кровь свою впитал я тебя. В хлебе моем и воде моей осязал я тебя.

Ты – в земле и камнях моих, в степях, и лугах, в Куре и Араксе. В сердце моем – Каспии нашем!

Из уст народа, из учебников и книг воспринял я тебя. Воспринял и полюбил тебя, хранимого как зеницу ока народом на перепутьях истории.

Ты вошел в мое сердце из печально-протяжных, проникнутых думами и чаяньями песен матери моей!

Тебя вобрал мой дух из мужественных слов отца моего!

Ты проник в мое сердце из заманчиво волшебных сказок моего детства, прямо в сердце мое проник, краса и гордость народа моего – мой азербайджанский язык.

Твое величие осознал я в тот миг, когда взял перо в руки и положился на волю его.

Как помог ты мне в ту первую ночь, первую мою бессонную ночь, когда ты мощью своей запечатлел думы мои о матери и заправил их по верному руслу, и обрели они свою четкость и лад! Не забыл я щедрости твоей!

Никогда, ниоткуда не ждал я помощи. Не жду, не буду ждать. Ни от кого, ни от чего. Только к тебе моя просьба, и прошу я только одного: не жалея для меня своих слов, не скрывай очарования стоцветных оттенков слова, не умножай моих бессонных ночей, проведи меня к самым потаенным уголкам твоей сокровищницы, о язык мой – дар, завещанный предками моими, хранящий облик их и дыхание, мой родной, азербайджанский язык.

Что я без тебя? В тебе – слава моя, и отрада, и счастье, о язык мой, век и вековечность, язык мой азербайджанский!
Азербайджанский мой язык!

19 мая 1967 г.

СХОДСТВО

Народам, сбросившим
цепи рабства, вступившим
на путь независимости, -
дружественно.

Лосось угодил в сеть. Нежданно-негаданно угодил. Он метался, бился, неистовствовал.

Он изорвал бы сеть. Если бы мог. Изорвал бы!...

Ему, который нырял в морские глубины, пил пресную речную влагу, ему, которому привольно жилось в объятном лоне вод, невмоготу было такое. Невмоготу!

Он бился, отчаянно бился. Так было и убиться недолго. И убился лосось. И убился насмерть.

Вспоминая лосося, о людях я думаю. О тех, что обрекают себя на неслыханные лишения, но до самого конца стоят на своем, не свыкаясь с недолей, не смиряясь с неволей, не теряя надежды – надежды на освобождение. Ни на миг не теряя. О тех самоотверженных, чья гибель только ярче разжигает страстное стремление человечества к свободе. О людях я думаю, о людях.

28 октября 1966 г.

МАТЬ И ЗЕМЛЯ

Младенец сосал материнскую грудь! Был сон его – бессоницей ее. Мать не жалела ни света глаз своих, ни крови сердца, ни силы рук. Все отдавала ему, сыну своему, свету своему. Ничего не жалела,

ничего. Все, до последней крошки, до последней капли отдала ему. Вырастила сына. Поставила на ноги. На землю поставила.

Земля его кормила, одевала. Заботливо, ласково. По-матерински. Ничего не жалела земля, ничего. Не жалела, не скупилась.

Сын вырос. Стал трудиться, прославился. Слух о нем облетел округу, пошел по городам. И столько появилось родственников! О многих он и не слышал, редко кого видел. А если и видел, то поеживался от холода. А теперь и сам поразился.

Пусть только свеча разорится, а мотыльки найдутся. Находились и родичи. И разговоры у них разгорались. Одни доказывали самое близкое родство, другие упирали на свою знатность, третьи, словно, между прочим, напоминали о том, что когда-то выручали, помогали. Каждый по-своему норовил предстать в лучшем свете. Все говорили, все.

Молчали только мать и земля. Такой у них нрав искони – у матери и земли.

22 сентября 1966 г.

ДВЕ ДВЕРИ

Две двери. Одна напротив другой. Две двери. Между ними комната ожидания. Для посетителей.

Две двери. Одинаковые, одного цвета. Одна другой под стать. Две двери.

То и дело они раскрываются и захлопываются. Обе, то и дело.

Одна открывается робко и закрывается неслышно. Одна дверь.

Другая резко распахивается и захлопывается. Резко, злобно. Другая дверь.

Одна светлая, как лица входящих в нее, как радость их, как мечты их. Улыбчивая дверь.

А вторая хмурится, как лица посетителей, темная, как раздумья их, как печали их. Хмурая дверь.

Одну раскрывают и прикрывают те, что скрепляют свою любовь, соединяют свои сердца.

В другую входят и выходят те, что расстаются, разводятся.

Две двери. Одинаковые, одного цвета. Одна другой под стать. Две двери. Одна напротив другой. Между ними комната ожидания. Давно бы соединились двери. Одна готова поделиться своей радостью. Другая отбросила бы печали. Двери соединились бы...

Если бы ни было между ними тех, что забывают свои клятвы. Если бы!.. Соединились бы!...

14 сентября 1966 г.

ОДНО СЛОВО

Глаза твои я буду любить больше всего. Глаза. Не спрашивай – почему. Хоть ты не спрашивай, хоть ты.

Я должен был сказать одно слово. Тебе. Только тебе. Давно должен был. И никак не мог. Не решался.

Однажды я подошел к тебе. Сам не знаю, как подошел:

- Я должен сказать... тебе одно слово...

У тебя сошлись брови. Ах, как сошлись у тебя брови.

- Какое слово?

Я сказал. Я произнес это слово – единственное слово. Я произнес это слово, которое с нашей первой встречи вселилось в мое сердце, то

окрыляя меня и поднимая в небеса, то обрывая крылья и кидая на камни; я высказал его – мое утешение в бессонных ночах, мое упование и чаяние. Я произнес его, и вдруг мне показалось, как будто с моих плеч упал самый тяжелый груз.

Я замолк, я ждал ответа на это слово. Прошло мгновенье. Только одно мгновенье. Долгое, как целый год, как столетье. Одно мгновенье. Оно готовило мне радость или горе. Прошло одно мгновенье. Ты подняла голову – у меня дрогнуло сердце. Ты посмотрела и ушла. Не сказав ни слова, ушла. Ни одного слова.

* * *

Есть одно слово. Ты должна мне сказать его. Только ты и только мне. Но ты не говоришь. Скажешь ли? Свое единственное слово в ответ на мое. Скажешь ли?

Твои глаза, ты и сама не знаешь, ничего не скрывают от меня. Твои глаза. Большие, черные, добрые, нежные глаза, - они отвечают согласием, но губы молчат.

* * *

Глаза твои я буду любить больше всего. Глаза. Не спрашивай – почему. Хоть ты не спрашивай, хоть ты.

11 сентября 1966 г.

ДЕНЬ ЖИЗНИ

Утро. Прозрачное, как слеза. Целомудренное, как дитя. Солнечное, снежное утро.

Порошит снег. Мелко-мелко. Восходит солнце. Медленно-медленно. То покажется, то исчезнет. Тихо-тихо. Когда выглядывает солнце, все просветляется. Снежные дворы, сады и палисадники. И дети, увлеченные игрой, улыбаются.

Двое детей, двое пухлых малышей играют в снежки. Щеки у них пунцовые. Мальчик и девочка. Бегают наперегонки. Падают, поднимаются и снова бегут.

Ни о чем не думают. Ни о чем не заботятся. Перекидываются снежками, перекликаются, пересмеиваются.

* * *

Полдень. Половина пути.

Снег метет густо, жестко, без оглядки. Превращает сугробы в белые горы. Двое подростков, один другому под стать, играют в снежки. Красным-красны у них щеки. Парень и девушка. Парень гонится за девушкой. Догоняет. Трет ей лицо снежком. Девушка кричит, бьется. Вырывается. Бежит. Смеются. У обоих горят лица. Иногда они оглядываются. Оглядываются на детей – двух пухлых малышей. Удивляются. Не собственное ли детство им видится? Пересмеиваются. А потом опять снежки. Опять. Парень гонится – девушка убегает. Они бегут наперегонки. Стремительно. Не чужа усталости. Бегут... Пока не догонят ее. Пока не будут вместе. Бегут.

* * *

Вечер. Тревожный, робкий вечер.

Снег идет... Несмело. Негусто. То перестанет, то вновь посыплет. Двое старых людей, один - опора другого, один – надежда другого. Щеки цвета осени, цвета заката. Мужчина и женщина. Женщина прижимается к мужчине, мужчина к женщине. Крепко-крепко. Чтобы не упасть. Воротники подняты. Чтобы не мерзнуть. Идут садом. Изредка останавливаются. Смотрят на молодых. На юношу и девушку, что друг другу под стать. Старые смотрят с тоской. Вспоминают свою молодость. Не знающую страха, не признающую холода. Своенравную молодость. глаза их влажнеют. Тоскующие глаза. У обоих. И сердца стонут у обоих:

Век прошел, как один день,

Разве молодость вернешь?

И ни один из них не хочет произнести это вслух. Ни один. Но все равно: жизнь прошла, дни проходят и будут проходить. Не хватает сил у человека остановить время.

Только на это не хватает сил человека. Только на это!...

2 августа 1966 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снег идет. В городе у нас идет снег! Первый снег! Идет. И тут же тает.

Все радуются. И детвора, и молодежь, и старики. У нас в городе – снег! Он у нас – такой редкий гость. Да, снег сразу тает, но все-таки идет.

Радуются все-все.

А я грущу. Невольно грущу.

Шел снег. У нас в городе шел первый снег. Шел и тут же таял. Все радовались. И млад и стар. У нас в городе шел снег. У нас он – такой редкий гость. Да, снег сразу таял, но все-таки шел. Первый снег.

И все радовались. Все, все.

Я тоже. Я больше – всех. В нашем городе шел снег. Это не снежинки, а лепестки белых цветов осыпали нас. Словно поздравляли нас обоих. Мы впервые признались друг другу в первой любви. Первый снег, как белый цвет первой любви, осыпал нас.

Прошел первый снег. Прошел и сразу растаял. Ни следа не осталось от первого снега. Ни следа.

Первая любовь была как первый снег. Рано пришла и рано исчезла. Только след остался. Не пропал. Остался след.

* * *

Пойдет снег. У нас в городе – первый снег. Пройдет и тут же растает.

Все обрадуются. И стар и млад. Обрадуются. У нас в городе пойдет снег. У нас он – такой редкий гость. Снег сразу растает, а все-таки пойдет.

И все будут радоваться. А я? Обрадуюсь ли? Опечалюсь ли?

1 августа 1966 г.

ЛЮБОВЬ

Ты надел шапку и сказал:

- Ухожу!

Потемнело у меня в глазах. Упало сердце. Упало и заныло. Я давно ждала. Рано или поздно ты должен был сказать это. Рано или поздно. Не подала и виду, что больно. Не могла подать.

- Уходи, - сказала я. – Уходи!..

«Не уходи!» прочитал бы в моих глазах, если бы ты взглянул на меня.

Но ты опустил голову, ты смотрел в землю.

Ты сказал:

- Забудь. Все забудь.

«Так быстро?! Не тяжело ли будет? Ты понимаешь что говоришь?!» - подумала я, но вслух сказала:

- Постараюсь... Забуду!

Ты спросил:

- А простить... как... простить обещаешь?..

Меня огнем обдало. Все занялось у меня внутри. До чего же терпелив и вынослив человек! Я вытерпела. Сгорела вся, а вынесла. И даже с тонкой улыбкой, нет – с деланной улыбкой сказала:

- Прощу. Обещаю простить.

Ты ушел...

Не удержала я тебя. Не сумела удержать. И не смогла бы.
Любовь твою упустила. Любовь. А тебя... Стоило ли удерживать тебя?

28 июля 1966 г.

ЧЕЛОВЕК

Море. Лес. Гора. Все трое вместе. Все трое.

Я в лесу. У ног моих – море. Над головой – гора.

Над морем – чайки. В лесу – соловьи. Над горами – орлы. Со скалы на скалу, с куста на куст, с волны на волну перелетают. Орлы, соловьи, чайки.

Море подступает к берегу. Своими волнами. Море смывает берег, гладит янтарный песок. Своими волнами. Какое же море не хочет видеть свой берег опрятным? Какое море?

Листва шепчет, шевелится, шелестит. Листва – как тихая песня. От легкого прикосновения ветра шевелится и шелестит листва. Звучит тихой песней. Сразу все деревья приводит в движение ветер, чуткий дирижер. Заставляет звучать все деревья сразу.

Между певучими деревьями, по дымчатой зелени, поблескивая, струится вода семи родников. Холодная, как вершинный лед, прозрачная, как хрусталь, вода. Течет. Плещется. Тихим плеском подсказывает легкому ветру, искусному дирижеру: «Я тоже есть на свете. Я тоже. Не отделяй и меня, мой плеск от трепета листвы, от ее шепота, от тихой песни...». И ветер не отделяет.

Лес дышит, лес отдыхает. Отдыхает, внимая шелканью соловьев, шелесту листьев, плеску семи родников.

С крутой скалы низвергается водопад. Пенясь и грохоча. Мощно, величественно. На полет клекочущих орлов, на клокотанье пенной воды. Торжественно взирает.

Солнце заходит за гору. Медленно-медленно. Опускается, чтобы утром снова подняться. Окрашивая в тускло-красивый цвет округу. Опускается, становясь густо-желтым.

Все меняет цвет. И гора с орлиными скалами и громоподобным водопадом. И лес со струями семи родников, и деревьями с дрожащей листвой, и соловьиными кущами. И море со стаями чаек, и отполированным янтарным песком, и опрятным берегом. Меняют цвет.

Море. Лес. Гора. Все трое вместе. Все трое.

Я в лесу. У ног моих – море. Над головой – гора.

Смотрю-смотрю на море, лес, гору и не могу насмотреться. Одно лучше другого. Одно притягательней другого. Все на месте. Все!

Все на месте? Почему, почему же тогда кажется мне, что в собрании этих редких, необычных красот чего-то не хватает? Не хватает чего-то?

Думаю. Смотрю на море. На лес и гору смотрю. Думаю. Перевожу взгляд с одного вида на другой... «Не хватает чего-то? А чего же?! Чего?!» И вдруг на гребне горы появляются двое...

Человек! Где же, где же ты был раньше? С твоим приходом все, чем я не мог налюбоваться, стало еще лучше, еще прекраснее, еще притягательнее. Все. И гора, и лес, и море. Все, человек!

26 июля 1966 г.

ПЧЕЛА

Цветы. Куда ни глянь – цветы.

Справа цветы. Слева цветы. Всюду – цветы.

У каждого свой аромат, свой цвет, своя красота. Свой рост и своя стать.

Среди цветов там и сям мелькают и вьются пчелы, бабочки, стрекозы и бесчисленные мошки. Среди цветов, пьянящих и дарящих отраду. Порхают с цветка на цветок, впитывают нектар. Радостно.

Упоенно. Все берут свою долю с щедрой и разноцветной скатерти, расстеленной матерью-природой. Всем – и пчеле, и стрекозе, и бабочке.

А потом? Что дадут потом взамен взятого бабочка, стрекоза и бесчисленные мошки? А что даст пчела?

И пчела мгновенно вырастает в моих глазах. Так вырастает, что ничем не измерить и сравнить ни с чем.

Вот так и гении. Точь-в-точь.

13 июля 1966 г.

ВЕК ЦВЕТКА

Розы расцвели. Струили аромат, украшали сад, радовали взгляд.

Девушки срывали их, прикрепляли на грудь. Как символ весны и любви.

Парни собирали букеты. Как светлые мечты. Чтобы дарить любимым.

Малыш сорвал розу и, подпрыгивая на бегу, пустился домой. Чтобы сказать: «Поздравляю, мама». Эта чуткость, этот первый сыновний подарок тронули мать. И слезы скатились по ее щекам и упали на лепестки розы. Как росинки.

Поэт с трибуны читал свои стихи. Певец выступал на сцене. Композитор у пульта дирижировал своим произведением, в одно мгновение лаская слух сотен людей, радуя души, окрыляя думы. В одно мгновенье. Розы преподносили им люди. Розы – вместо многословных благодарностей. И поэту, и певцу, и композитору.

Расцветали розы. Струили аромат, украшали сад, радовали взгляд.

Певец прочувственно пел:

Розой я тебя не назову,

Потому что жизнь ее кратка.

Да, жизнь у нее короткая, но славная, благородная.

Живите как розы, люди. Как розы!

12 июля 1966 г.

НАДЕЖДА И ЯВЬ

Надежда! Нет тебе равных, сладостная красавица – надежда!

Ты – целительница, врачующая разбитые мечты, окрыляющая их заново. Такая целительница, что не жалеет своих сил, помогая любому, но в ответ не ждет благодарности. И ты не ждешь. Бескорыстная целительница!

Ты – вечно живая струя утешения. Струя, которой каждый всегда может утолить жажду. И утоляет.

Ты благородна и щедра, надежда. Как солнце. Все люди для тебя одинаково дороги и близки. Не ты ли, надежда, согреваешь их в самые тяжелые, безысходные, самые ужасные мгновенья? Есть ли человек, что не обращался к тебе, надежда?

Ты очень велика, надежда, очень велика. Но...

Но что же поделаться... Что же поделаться, если ты – не явь, надежда, не явь!

7 июля 1966 г.

СВЕТ И МРАК

Аудитория ждет. Аудитория замерла: «Кого спросит, кого?»

Одна из двух студенток, сидящих впереди, слепа. Недолго думая, преподаватель начинает с первой скамьи...

Говорит слепая девушка. На ее лице выражение усталой радости. Как на лицах людей, видящих плоды своего труда. Тяжелого и честного. Голос, звонкий голос внушает веру. Веру в знания и силы. Хочешь не хочешь – внушает.

Встает ее подруга... Дрожит. Дрожмя дрожит. И руки, и голос, и все ее существо охвачены дрожью. Эта дрожь вызывает неверие. Хочешь не хочешь – вызывает.

Слепая что-то шепчет. Чтобы выручить подругу. Преподаватель не может не слышать подсказки. Но почему–то не замечает. Не хочет замечать.

Одна шепчет, другая повторяет, третий ужасается: «О боже, как труслив, как несчастен, как убог человек, лишенный знаний!»

Одна шепчет, другая повторяет как попугай, третий застывает в изумлении. Заколдованный, пораженный застывает.

Девушка, повторяющая подсказку, кажется ему слепой. Ни света в глазах, ни ответа в лице. Мрак объял и лицо, и глаза, и все ее существо. Мрак!

А лицо слепой вспыхивает и лучится, озаренное смелостью. И учителю сдается, что в глазах ее, когда она отвечает, искрятся светлые блики.

Свет в глазах, лишенных света. Свет!

7 июля 1966 г.

ПОЕЗД УХОДИТ

Поезд уходит...

Сколько поездов каждый день проходит мимо села. Каждый день.

Она хорошо помнит, как в детстве взбегала с подругами по насыпи и ладошкой махала вагонам. Вагонам? Нет, людям. Из окон выглядывали взрослые и дети. Она махала им. Беспечно, безотчетно. Не понимая еще, что значит стоять и махать вслед уходящему поезду.

Встречи и проводы поездов стали игрой, одной из детских забав. Пока она была маленькой, эта игра увлекала ее. Пока она была маленькой.

А повзрослела и забыла детскую забаву. Не заметила, когда и забыла. А потом эта игра уже казалась ей смешной...

И вот уходит поезд, она машет ему вслед. Не поезд отдаляется, не поезд, а сердце ее, сердце...

Поезд уходит. Остановись, не исчезай! Но он уходит. Она бессильна.

Глаза притягивают поезд, пытаюсь удержать, остановить его хоть на мгновение.

Но поезд идет. Она все машет и машет.

Поезд уходит. Уходит. Неудержимо.

7 апреля 1964 г.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Двое шли одной дорогой. Двое.

Та, которая шла впереди, не знала, что за нею кто-то идет. Только ли этого она не знала? Нет, сейчас она не видела, не замечала ничего вокруг, да и не хотела замечать. Всеми мыслями она была где-то впереди. Ей казалось: если она, хотя бы на мгновение глянет направо или налево, это задержит ее, нарушит ход ее мыслей. Она шла, не глядя по сторонам, не оборачиваясь назад. Она не шла, - нет, охваченная горделивой радостью, она летела – легко и плавно.

А что же было впереди?!

Та, которая шла сзади, следила за идущей впереди. Она смотрела, как смотрят вслед неожиданно выпорхнувшему из рук птенцу. У нее замирало сердце, будто она нечаянно встретила себя. Себя в детстве. Она смотрела и улыбалась, почти сквозь слезы. Сожаление и раздумье не отставали от нее и даже забегали вперед.

А что же было впереди?!

Им обеим этой ночью казалось, что утро запаздывает, очень запаздывает. Но утро пришло вовремя.

Между ними была разница в пятнадцать лет. Как мало и как много – пятнадцать лет!

Старшая, взглянув на младшую, по одежде, по сумке, по лентам в коротких косичках догадалась, куда та направляется. И все-таки, поравнявшись с нею, спросила, просто так, чтобы завести разговор:

- Куда так рано, красавица?

- В школу!

А «красавица» не обратила внимания на «тетю». Ни о чем не спросила. И зачем ей спрашивать? Сегодня ей безразлично, кто и куда идет. Ее занимало одно: она идет в школу. Она сама!

Понимая состояние «красавицы», «тетя» больше не задавала ей вопросов.

Они подошли к дверям высокого здания. К дверям школы. Обе – вместе.

Одна из них должна была впервые войти в эти двери. Впервые.

Другая же... Другая ровно десять лет входила в эти двери. Самое малое – дважды в день. Сколько осталось за этими дверями воспоминаний, волнений! За этими дверями остались ее детство и юность.

А теперь она снова войдет в них. Уже не ученицей, а учительницей. Учительницей!

Шум и гам прервал ее раздумья. Столько детей на школьном дворе собралось, столько детей!... Она почему-то забеспокоилась, не увидев рядом своей недавней спутницы. Нашла ее взглядом. Приблизилась, взяла ее за руку. Девочка не отняла руки. Обе пошли вперед. И тут их сердца охватило смущение:

«Смогу ли я учить?...»

«Смогу ли я учиться?...»

«Как встретят меня ученики?...»

«Как встретят меня учителя?...»

«Что мне сказать?...»

«Что мне скажут?...»

Двери школы распахнулись. В них устремился говорливый поток. Учительница крепко взяла за руку ученицу. Сердца обеих стучали гулко и учащенно. И это общее волнение роднило их. Учительница надеялась на ученицу, ученица доверилась учительнице. Крепко сжатые руки их чуть дрожали – и у той, и у другой... Учительнице послышался голос. Знакомый, родной голос. Нет, она не ослышалась. Это был ее внутренний голос.

- Здесь ты вырастишь плоды своего труда. Здесь!...

Учительнице показалось, что у нее в руке – робкая ветка молодого дерева. И это чувство, неожиданно овладевшее ею, наполнило сердце уверенностью и придало ей необыкновенную решительность. Учительница вместе с ученицей переступила заветный порог.

Пусть приведут их к счастью их первые шаги!

27 августа 1963 г.

ПРИЗНАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Я не знала отцовской ласки. Рано лишилась отца, очень рано. Даже похорон не помню. Говорят, когда его выносили из дому, глаза у меня застыли. Наполнились слезами и застыли, как застывают озера в морозную и ветреную пору.

Я росла, и с каждым годом мне было все горьче понимать, что я расту без отца. Во дворе то и дело слышалось: «Мой папа пришел», «Мне папа купил», «Меня папа повезет»... А мне глаза застилало слезами, как светлые небеса – темными тучами.

Почему?

Потому ли, что у всех соседских ребяташек – у каждого – был отец? Нет.

Потому что у меня не было его, у меня!...

Нет, я не хотела, чтобы кто-нибудь остался без отца.

Нет... Но у меня не было отца... Не было!

И мать, и дядя, и тетки не брали меня с собой, когда ходили навещать могилу отца. «Ты еще маленькая», - говорили они. И плакать не давали мне. Бывало, увидят, что я взгрустнула, соберутся вокруг, развеселить, стараются. Не отстанут, пока я хотя бы слегка не улыбнулась.

Они-то думали: если я улыбаюсь, значит, все хорошо. Но улыбка была похожа на краешек солнца, что появится из-за туч и сразу исчезнет. А все дело в том...

Все дело в том, что, как пасмурному небу нужно избавиться от своей тяжести, так и я должна была выплакать свое горе. И я плакала в подушку. По ночам. И, лишь выплакавшись, засыпала. И каждый раз (может, это странно) я думала: «Когда умру – пусть похоронят меня в одной могиле с отцом. Вместе с отцом!»

Однажды я нечаянно выговорила это вслух. Поднялся такой переполох!... Больше всех возмущалась мама:

- Вы только посмотрите на нее, вы только послушайте, что говорит эта маленькая девочка!

Я все понимала. Мои слова вовсе не означали, что я желаю смерти, ищу ее. Просто я хотела выказать любовь к отцу, уважение к его памяти. Вот и все. И потом – рано или поздно – каждый человек умирает! Правда же?

«Вагзалы» - это мелодия, которую ждут все девушки, - прозвучала и для меня... Муж у меня хороший. Я часто рассказываю ему о себе, о своем детстве. Он слушает всегда внимательно. Мы вместе навещаем могилу моего отца. С одним условием, чтобы я не

плакала там. Иногда мы берем с собой и нашего сына, первенца. Он еще ничего не понимает. Играет на могиле деда, возится в песке. Я исподволь поглядываю на него. Кажется, мой отец ожил в нем...

Я ждала второго ребенка. Родила. Но скоро его не стало. Остались только память о нем да имя его.

Думала, навсегда высохли мои слезы, а тут они опять полились. Девять месяцев я вынашивала его. Он – мой, кровь от крови, плоть от плоти. И когда его положили в землю возле могилы моего отца, сердце у меня не выдержало. Я повторяла в забытьи: «Когда умру – пусть похоронят меня в одной могиле с сыном. Вместе с сыном!...»

И вдруг я очнулась. Подняла голову, глянула на могилу отца. Мне показалось, что на старом надгробном камне написано крупными буквами: «Когда умру – пусть похоронят меня в одной могиле с отцом. Вместе с отцом!»

Я окаменела. Что означали только что сказанные слова? Как повернулся у меня язык! Это ли оскорбление памяти отца? Какая я неблагодарная дочь! Где же те ночи, когда я сквозь слезы повторяла: «Папа, папочка!»

Но я, видимо, поспешила обвинить себя в неблагодарности. Да, да, поспешила... Немного позже я поняла это.

Память отца, как всегда, и теперь дорога мне.

Но сын...

16 июня 1963 г.

ТЫ НЕ ОСТАЛСЯ БЕЗ ГЛАЗ

«Кто плачет о народе, тот останется без глаз»

Если бы тебя неожиданно разбудили и спросили: -

- Что тебе ненавистно больше всего на свете?

Ты сказал бы:

- Пословица: «Кто плачет о народе, тот останется без глаз».

Да, ты ненавидел эту пословицу. Ты готов был умереть, лишь бы не слышать ее.

Но ты жил и слышал ее – поневоле, повсюду. И самое обидное – часто, очень часто, на каждом шагу.

Ты слышал ее с того дня, как стал считать горе народа своим собственным горем. Ты слышал ее с того дня, когда стал гореть денно и ночью, чтобы светом своим рассеять мрак жизни, окружающей тебя, чтобы голосом своим пробудить сердца современников, которые отставали от века на целые столетия. Ты слышал ее с того самого дня, когда имя твое стало передаваться из уст в уста.

Ты слышал ее, когда в огне семилинейной лампы, в тусклом и чадном огне плавил ты тяжелые и влажные, как черные скалы, безмолвные ночи. Ты начал летопись печалей и горестей народных и писал ее кровью сердца.

Иной раз, не найдя ни гроша на дневное пропитание, огорченно глядя на своих грустно притихших детей, ты слышал:

«Кто плачет о народе, тот останется без глаз».

И глаза твои устремлялись на дорогу, словно ты ждал появления чего-то в смутной дали.

Но опять раздавалось прежнее:

«Кто плачет о народе, тот останется без глаз».

Это тебе говорили и родные люди, и чужие.

Когда ты слышал это от близких людей, сердце твое сжималось, словно его брали в тиски и били по нему молотом. От нестерпимой боли искры сыпались из твоих глаз. Ты не издавал ни звука, стискивал зубы и пристально смотрел на того, кто произносил эти слова. Смотрел и сокрушался о тех, кто жил трусливо, думая только о своем брюхе. Вернее, не жил, а стелился по земле, ползал, извивался – несчастный, невежественный и бессильный. Ты хорошо знал, что произносить эти слова, ненавистные тебе, людей вынуждал вековечный страх за свое существование. Да, это была трусость. А трус

всегда получает подзатыльники, его всегда поносят, осыпают бранью, а он терпит, терпит. Трус – всегда раб. Он замыкается в себе. Увидев мало-мальски деятельноо человека, он тотчас приближается к нему и, словно выказывая сочувствие, выдавая близорукость за дальновидность, шепчет:

- Дорогой, ты попадешь в беду. Смотри, тот, кто плачет о народе, останется без глаз...

Эти слова ты слышал и от тех, что говорили: «Пусть разоряется народ, какое дело мне!...», от тех, что спрашивали: «Ты считаешь себя человеком, рабочий?», от тех, что шумели: «Ты, земледелец, отдай пшеницу мне, а сам на просе проживешь!...», от тех, что бахвалились: «Мы – божьи слуги, каждый день меняем жен законно...»

Ты не выдумал эти строки, ты слышал их, но думал о другом. Ты думал о том, что они хотят запугать тебя, вынудить отказаться от своего труда, свернуть со своего пути.

- Смотри не задевай нас... А то... Кто плачет о народе, тот останется без глаз.

Тебе, человеку, который не знал страха, были смешны эти угрозы. От них ты становился еще крепче духом, еще ближе к народу, еще больше отдавался труду. Ничто не могло поколебать твоей решимости.

Нет отбоя от упреков и угроз, сулящих горе,

Я стою под стать утесу, что недвижим в бурном море!

Да, Сабир, ты стоял гордо, как древний утес. Ничего не страшась, не отступая ни перед чем. Ты не боялся ослепнуть, остаться без глаз. И открыл глаза миллионам людей. Открыл себе путь в вечность. Человечество из поколения в поколение будет заново открывать тебя и твой народ. И люди будут говорить:

- Такого поэта, как ты, народ награждает бессмертием.
- Такой поэт, как ты, свое бессмертие завещает народу.
- Такому народу, такому поэту дарит бессмертие человечество.

14 мая 1962 г.

КОГДА ЛУНА РАСПЛЕСКИВАЕТ СВЕТ...

Переливается повсюду серебро, перешептываются листья, переглядываются звезды, влюбленные выходят на свиданья, - когда луна расплескивает свет...

В двери стучатся сваты, у девушек замирают сердца, разносятся звуки «вагзалы», невест под свадебные клики увозят в дома женихов, - когда луна расплескивает свет.

* * *

Наши дома стоят рядом. В детстве мы целыми днями бегали, перегоняли друг друга, перелезали с дерева на дерево – и не замечали наступления сумерек. И всегда неожиданно раздавался голос твоей матери, и ты поспешно откликнулась, но оглядывалась, убегая домой, - когда луна расплескивала свет...

* * *

Прошли годы. Мы повзрослели. И я не мог понять, почему ты стала сторониться меня, о соседская дочь? Ты избегала меня, сама того не желая. Ты исчезала, едва появлялась твоя мать или кто-нибудь из братьев. Почему? Да, мы стали взрослыми, но не врагами же!

Вечерами, проходя под твоим окном, я иногда замедлял шаги, стараясь услышать твой голос. Ты пела все тише, все проникновеннее, наверное, не зная, что я стоял и вслушивался, - когда луна расплескивала свет:

Срежешь розу – не сомни,

В мягкий бархат заверни.

Выйдешь замуж по любви –

Будут радостными дни.

* * *

Мы кончили школу. Ты хотела работать, помогать родителям. Поэтому ты осталась в селе, а я хотел учиться, уезжал в город. Летним вечером все соседи пришли проводить меня. Я, прощаясь, пожимал руки всем подряд. Настал и твой черед. Когда моя рука прикоснулась к твоей, мне показалось, что тебе передалось биение моего сердца. Когда встретились наши взгляды, ты будто вспышки молнии испугалась, отвела глаза, опустила голову.

Я отправился в путь. Все махали мне вслед, но я видел издалека только тебя, только твой белый платок, - когда луна расплескивала свет...

* * *

Теперь, дорогая соседка, я вернулся. К моему возвращению ты стала дояркой. Да такой, что о тебе молва повсюду расходится.

Бывает, мы возвращаемся с фермы вместе, вдвоем, - когда луна расплескивает свет...

* * *

Помнишь, однажды утром мы долго спорили, сидя под нашим тутом. Ты где-то вычитала, что любовь – болезнь. И никак не могла согласиться с этим. Тебе было страшно, что высокое, прекрасное чувство называют болезнью.

Теперь, милая, я заболел этой «странной болезнью». Когда не знаю, но я не в обиде. Нет, я хочу только, чтоб и тебя охватило такое волнение, - когда луна расплескивает свет.

* * *

Переливается повсюду серебро, перешептываются листья, переглядываются звезды, влюбленные выходят на свидание, - когда луна расплескивает свет...

В двери стучатся сваты, у девушек замирают сердца, разносятся звуки «вагзалы», невест под свадебные клики увозят в дома женихов, - когда луна расплескивает свет...

Если бы ты однажды вечером вошла бы в наш дом. Я бы снял с тебя белую фату, мы раскрыли бы окна, и в нашу комнату плеснула бы свой свет луна. И ты, пересилив стеснение, сказала бы:

- Видишь, милый, когда любовь взаимна, она – не болезнь, а исцеление.

А я бы ответил:

- Не только исцеление, но и счастье!

А вечерний ветерок унес бы наши слова и всем бы нашептывал их, когда луна расплескивает свет...

11 января 1960 г.

ПАМЯТИ АБДУЛЛЫ ШАИГА

Сказали:

- Рука большого писателя выронила перо!

Сказали:

- Сердце благородного человека остановилось!

Собрался народ – друзья, родственники, сыновья и внуки.

Сказали:

- Давайте поднимем его, понесем.

Подняли. Понесли на плечах. С приличествующей почтительностью. Похоронили достойно.

На могилу пала последняя горсть земли.

Сказали:

- Давайте простимся.

Стали расходиться. Ушли все – кто раньше, кто позже. Двое, уходявших последними, сказали:

- Сегодня он ушел к тем, что умерли тысячу лет назад.

Нет!.. Сказали неверно, неверно сказали! Ты ушел не к тем, что умерли тысячу лет назад. Ты ушел к тем, что живут и будут жить тысячелетиями. Ты ушел к Низами, Физули, Вагифу, Сабиру, Мирзе Джалалу, Джафару, Узеирбеку!..

26 июля 1959 г.

ОТЕЦ

Теперь у меня три имени.

Первым меня называют все, кроме тебя, и я на него отзываюсь всем. Первое вспоминают все, кто вспоминает меня. Этим именем назвали меня отец и мать. С этим именем я вырос. Оно – самый памятный подарок, который могли преподнести мне отец и мать. Самый памятный и самый дорогой.

Вторым именем меня называют в школе. Так обращаются ко мне дети – мои ученики. Это имя присвоено мне за пятнадцатилетний нелегкий труд. Это имя – ответ бессонных ночей, отзвук бесчисленных ударов сердца. Это имя звучит почетно.

Третьим именем называешь меня только ты, ты, доченька! Это имя подарила мне ты с первых шагов в мире, в который ты пришла. Этот дар самый приятный и самый прекрасный.

Когда я прихожу домой расстроенным или усталым и, взяв тебя на руки, целую и ты называешь меня этим именем, я забываю обо всем на свете.

Да, как дорого первое, как почетно второе, как радостно третье. И каждый раз, когда с твоих губ слетает оно, сердце мое ширится от радости. Потому что эту радость принесла мне ты, порожденье первой любви моей, первая дочка!

21 февраля 1956 г.

ЛЕГЕНДА О ФИАЛКЕ

Был первый день весны. Мы вчетвером расположились возле родника и отдыхали, впитывая воздух, настоящий на аромате цветов и трав, окропленных росой.

У родника не обходится без беседы. Слово за слово завязался разговор и у нас и разгорался, как костер, в котором каждый попеременно поддерживает огонь.

Очередь дошла до нашего приятеля, который с самого начала задумчиво молчал, глядя на свежие фиалки, рассыпавшиеся по лугу. Он словно очнулся и начал так:

- Давным-давно когда-то в нашем краю жил юноша. Звали его Бахар, сын табунщика. Отец дал ему такое имя в честь весны. Каждый день задолго до рассвета он выходил из дому и направлялся... куда бы вы думаете? – спросил наш приятель, обращаясь к девушке, сидящей рядом.

Та слегка смутилась, но быстро нашлась:

- Куда же, как не к роднику, - лучше места нет!

- Да, к роднику, - кивнул наш приятель. – И там, за селом, на одиноком камне беспокойно поджидал кого-то.

Мелодичный плеск родниковых струй, уходящих в сердце таинственного леса... Соловьи, заливающиеся в предчувствии любовных встреч... Цветы, распространяющие аромат по лесу... Грустная музыка утреннего ветерка, загадочный шепот листвы... - все вокруг настраивало его на особый лад, и он, сдвинув шапку на глаза, напевал негромко и протяжно свое любимое баяты:

Ты проснись – в саду проспят,

Причешись - в саду проспят.

За любовь к весенней розе

Соловей в саду распят.

Бахар неспроста каждый раз повторял это баяты – ему казалось, что он как бы воскрешает безымянного неудачника, павшего жертвой любви.

А тем временем за его спиной появлялась девушка. О таких в старину говорили: прекрасна, как дочь небес. Девушка, стоя с

кувшином на плече, не выдавала своего присутствия, боясь прервать пение юноши. И солнце выходило из-за ближних деревьев, и лес покрывался позолотой, и струи зеркального родника переливались всеми цветами радуги.

Бахар, допев, оборачивался. Девушка, приветливо улыбаясь, опускала кувшин. Бахар подводил ее к камню, они усаживались рядом и долго-долго шептались, как будто кто-то мог подслушать их в этом укромном месте. Они мечтали о своем будущем, радуясь так, словно оно уже наступило.

Бановша, наполнив кувшин водою зеркального родника, удалялась той же тропкой, что и приходила, а Бахар исчезал в глубине таинственного леса.

Так они каждый день и встречались у родника.

* * *

Насколько Бахар был известен повсюду беспримерной храбростью, настолько Бановша славилась несравненной красотой. Ее имя передавалось из уст в уста, и каждый, кто бахвалился богатством и знатностью, стремился во что бы то ни стало заполучить девушку себе в жены. Ей преподносили горы золотых подарков, сулили во владение весь мир. Но Бановша не потакала пышным домогательствам и любила Бахара – только его одного на всем свете. О нем были все ее думы и чаяния.

Девушка не могла открыться, что любит Бахара, опасаясь повредить ему. Бановша хорошо знала: говори не говори, все равно ее, дочь хана, не выдадут за сына табунщика.

Поэтому Бановша, оставляя с носом всех сватов, попросту говорила своему отцу, что никто не пришелся ей по душе.

Но ведь хорошо сказано: ты по-своему рассчитывай, а у неба свой расчет.

Чем дальше, тем больше было разговоров о Бахаре и Бановша, и слухи о них шли по всей стране. Оскорбленные сынки богатеев, не отказавшиеся от притязаний на Бановша, затаили злобу на Бахара,

решили известить его. И однажды ранним утром, засев в густых кустах, смертельно ранили беднягу.

Впервые Бахар не смог дойти до родника, чтобы встретиться со своей возлюбленной.

Бановша, не дождавшись его у родника и предчувствуя недоброе, возвращается и видит его на перекрестке двух дорог, облитого кровью, лежащего на цветах.

- Бахар-джан, кто тебя так, мой дорогой? – Бановша поднимала его голову с земли и опускала к себе на колени.

Скорбный напев отдавался в ушах девушки, потрясая ее.

Чей это голос?

Бановша смотрела на губы Бахара – бледные губы, что были неподвижны и полуоткрыты. Они шевелились, словно произнося в последний раз:

... За любовь к весенней розе

Соловей в саду распят...

* * *

После смерти Бахара Бановша ни на мгновение не покидала родника. Сиротливо склонив голову, сидела она на одиноком камне и пела грустную песню, пела и пела...

Ни один путник в лесу не мог пройти мимо, не прислушиваясь к печальному, проникновенному голосу.

Однажды весна, свернув свое зеленое покрывало, покинула лес. В тот же день умолкла Бановша. Все село собралось у родника. Люди обыскали все вокруг. Казалось, Бановша исчезла вместе с весной, оставив лес навсегда.

Настали холодные осенние дни. Наступила зима. Зеркальный родник покрылся льдом. О Бановша не было вестей. Но сельчане по-прежнему не теряли надежды. Они полагались на приближающуюся весну, нетерпеливо ждали ее прихода.

Наконец весна пришла. Опять все село собралось у родника. Но Бановша не было нигде.

Люди обступили одинокий камень и вдруг увидели, что возле него поднялся цветок – неведомый доселе, нежный, слабый, со склоненной головкой. Тогда-то и назвали робкий цветок бэновшэ – фиалкой.

Наш приятель, завершив свой рассказ, замолчал. Никто больше не проронил ни слова.

Тишину нарушал только печальный плеск тихоструйного родника.

10 января 1946 г.

РАССКАЗЫ

ВЕРНЕТСЯ ЛИ?

На станции «Бакы Совети» Рустам последним ступил на ступеньку эскалатора и поднялся наверх. Прямо у выхода из метро он смешался с народом, толпившимся у остановок троллейбусов и автобусов...

Люди все подходили и подходили. Те, что пришли раньше, нервничали, беспокойно поглядывая на дорогу. Да и новички сразу мрачнели, увидев такое скопление народу.

Не скоро еще подкатил к остановке троллейбус. Эта вечно битком набитая «восьмерка». Но кто на это обращает внимания? Люди ринулись вперед, атакуя двери троллейбуса.

Рустам, наоборот, отступил назад. Лучше все-таки подождать, чем лезть в эту свалку. «Как они толкаются? Тот, кто посильнее, орудует локтями и не видит, кто перед ним – старый человек, женщина... Бедная, бедная старушка, не усердствуй, не выходи из себя! Сколько бы ты не ругала его и нахалом и скотиной, сколько бы

ни проклинала, он все равно не услышит. Даже если ты плюнешь ему в лицо – он не уймется, не перестанет тебя толкать...»

- Рустам!

- Агагулу!

Две руки одновременно протянулись друг к другу и соединились в крепком рукопожатии.

- Привет, Рустам! Как ты?

- Ничего, Агагулу, как видишь...

- Вижу, вижу, ты здорово возмужал, Рустам.

- Ты тоже повзрослел, поправился. Сколько же лет мы с тобой не виделись?

- Семь лет, ровненько. На днях я забрел по делу в нашу школу...

- По делу?

- Мне надо было подготовить для нашей газеты такой репортаж – «Последний звонок».

- Ты, значит, добился своего, занимаешься журналистикой, Агагулу?

- Да, потихоньку. Всякие мелочишки пишу. Информации больше. А вообще-то стараюсь, хочу стать журналистом. Я рад, Рустам, что встретил тебя. Беседуя с десятиклассниками, я вспомнил нас и здорово расстроился. Разговаривал я с ребятами недолго. А когда они ушли, я один остался в нашем классе. Не хотелось уходить. Сидел и вспоминал... Помнишь, как ты стал чемпионом? Ну, помнишь, соревновались мы – кто сильнее. Ты всем нам прижимал руки к столу, Рустам. Всем! Из тринадцати ребят ни один не сумел с тобой сладить. Я тогда здорово расстроился... Ты помнишь Гаранфиль?... Все из-за нее. Она ведь тоже тогда была...

- Гаранфиль? Помню. Но откуда мне было знать, что ты в нее влюблен! Если бы ты мне сказал или хотя бы намекнул, я бы пошел на ничью.

- Да, брат, тогда я здорово расстроился, даже возненавидел тебя. На глазах любимой превратить человека в ноль... А теперь, когда сидел в нашем классе, вся эта история явилась мне таким дорогим воспоминанием, что я чуть не прослезился.

- А что было у вас потом с Гаранфиль?

- Что же могло быть?... Из-за своего поражения я боялся попасться ей на глаза, бегал от нее. Так и добежался, пока мы не стали чужими людьми. Совсем чужими. Но знаешь, Рустам, что больше всего меня тогда потрясло? Когда ты прижал мою руку к столу, все мальчики и девочки захлопали в ладоши, закричали, громче всех и хлопала и кричала Гаранфиль. Проклятая девчонка, будто радовалась моему поражению. Она так хохотала, так хохотала...

- Ты сам виноват. По малейшему твоему знаку я мог бы тебе даже сдаться.

- Ну что ты говоришь, Рустам! Это сейчас тебе так кажется. И ты бы не согласился на такое, пусть даже мнимое поражение, и мне бы гордость не позволила просить тебя: мол, пожалей, не конфуз перед девушкой...

- Ты же мог по-дружески сказать мне.

- Да брось ты, Рустам, в том возрасте, в такой момент человек даже родному брату, даже отцу не уступит. Ни за что не уступит.

- Я бы уступил.

- Это сейчас. А тогда ты бы не пошел на такое, да и я бы чувствовал себя еще более униженным. Ну да ладно, все это давно быльем поросло, Рустам. Однако в руке у тебя силища твоего тезки – того легендарного богатыря Рустама. Когда ты сжал мою руку, я это отлично почувствовал!

Слова Агагулу напомнили Рустаму, как говаривала еще в детстве его мать: «У Рустама рука тяжелая, берегитесь его!». И братья – родные и двоюродные – побаивались Рустама и частенько подстрекали его: «Рустам, сюда гвоздь вбить кулаком сможешь?» - «Смогу». Все дивились и смотрели на Рустама, раскрыв рты. Ни

содранная кожа, ни кровь, никакие увечья не смущали Рустама. Он уверовал в силу своей руки и знал, что никто не согнет ее, никто не прижмет к столу...

Рустаму даже захотелось рассказать об этом Агагулу, но сказал он совсем другое:

- Ты несколько преувеличиваешь, Агагулу...

- Ладно, ладно, не скромничай, лучше скажи мне, где ты теперь, что делаешь?

- Нефтяник я. Работаю начальником участка. На промысле.

- О, это весьма кстати. Я как раз собираюсь побывать у вас на промысле. Репортаж, то-се.... По-моему, может неплохо получиться, как думаешь?

- Боюсь, дружище, что ты захочешь отомстить мне за старую обиду. Утратишь, так сказать, объективность.

- Не бойся, Рустам! А что если я начну корреспонденцию с упоминания твоей могучей руки и заодно расскажу читателям газеты о своем поражении? Как ты думаешь, а? Тут уж мне хочешь не хочешь, а придется быть объективным. Правда, ведь хорошо? И назвать корреспонденцию можно «Рука Рустама». Как ты на это смотришь?

- Слушай, друг, - Рустам поднял свою тяжелую руку и показал на троллейбус. На подножках повисло столько людей, что водитель не мог закрыть двери. – Ты лучше об этом безобразии напиши.

Агагулу махнул рукой:

- Об этом нет смысла писать, Рустам. Сколько мы уже писали и пишем, а толку нет. Видно, на такие материалы никто не обращает внимания.

- Я думаю, Агагулу, хорошо бы заставить руководящих работников троллейбусного и автобусных парков хотя бы неделю поездить в такой давке. Причем, вместе с женами. Пусть узнают, что народ терпит.

- Рустам, ты, кажется, троллейбуса ждешь?

- Да, восьмерку. Но вон, погляди, ведь в него не впихнешься. Я еще до проспекта Нариманова и на автобусе могу добраться. Мне и шестьдесят первый годится, и сто четырнадцатый. Если они приедут...

- Рустам, мы тут недалеко живем, пошли к нам, гостем будешь. Закусим, в нарды сыграем. Может, мне повезет и я у тебя выиграю, расквитаюсь с тобой за прежнее поражение.

- Спасибо, Агагулу, непременно зайду к тебе, но в другой раз. Я зарплату получил. Спешу домой. Сам знаешь, поближе к зарплате всегда туговато с деньгами. Мои домашние ждут меня сегодня с нетерпением.

Водитель с трудом сумел закрыть двери. И троллейбус тронулся.

- Агагулу, не теряй из-за меня время.

- Значит, не пойдешь?

- Только не сегодня. А вообще непременно приду. И ты к нам придешь. Как ты насчет шахмат?

- Да так, немного.

- И в шахматы сыграем. А футбол? Все еще болеешь?

- Неисправимый я болельщик, Рустам. В нашей газете все, что касается футбола, мне поручают.

Приехал 114-й автобус. Люди рванулись к нему. И снова началась давка. И снова двери с трудом закрылись. Автобус отошел.

- Ты напрасно тратишь время, Агагулу.

- Ничего, провожу тебя, потом пойду. Рад, что встретились.

Рустам пропустил еще один троллейбус. Потом подошел 61-й автобус, Рустам и его бы пропустил, чтобы не толкаться. Но, не желая задерживать Агагулу, он попрощался с ним и кое-как втиснулся в переднюю дверь. «А Гаранфиль была неплохая девушка, хотя и некрасивая, зато симпатичная. Такие странные мальчишеские манеры,

некоторая, что ли, бесшабашность. Но никто из ребят не позволял себе фривольность в отношениях с ней. Помнится, Гаранфиль как-то особенно смеялась. Если уж начинала смеяться, ее невозможно было остановить. До слез смеялась. Девочки возмущались, толкали ее: «Гаранфиль, хватит», «Что ты в самом деле!», «Все на тебя смотрят, неудобно...», «Опять на нее накатило!...». Гаранфиль остановиться не могла. Она должна была отсмеяться... Это была чистая, открытая душа. Ах ты, Агагулу, обиделся на Гаранфиль. Нашел за что обижаться!. За то, что смеялась. И не просто обиделся. Разозлился. Старался держаться подальше от нее. А виноватым оказался я... Ну и дела... Нехорошо получилось. Оказывается, я причинил людям такое зло, а сам даже не знал об этом....»

Рустаму показалось.... Нет, не показалось. Он схватился за карман и прижал шарившую там, в кармане, чужую руку. Крепко прижал. И стал сжимать, сжимать. Рука подергалась, подергалась, но высвободиться не сумела, Рустам крепко держал ее. Карманник никогда еще, наверно, не встречал такой тяжелой, такой сильной руки, он не мог даже шевельнуть пальцем. Рустам посмотрел на него с беспощадным гневом. Это был красивый парень лет двадцати – двадцати двух, черноглазый, чернобровый, с широкими черными усами. И ярость, и нахальство, и испуг прочитал Рустам в его глазах. Сначала глаза его угрожали, потом молили о пощаде. Рустам никогда не попадал в такого рода истории и потому не сразу решил, что делать, как выйти из этого положения... У всех на глазах плюнуть ему в лицо или отвести в милицию?

Воровская рука, как бы не веря в безнадежность, снова задергалась. Но попытка вырваться была бессмысленна. Сильная рука безжалостно сжимала ее... И воровская рука устала дергаться. Устала... Два человека пожирали друг друга глазами. А время отсчитывало секунды. Одна, другая, третья....

И вдруг все разом изменилось. Неподалеку от Рустама и воришки сидела красивая девушка, совсем юная, лет восемнадцати. Милым и необыкновенно ласковым голосом окликнула этого самого ворюгу:

- Беюкага!

- Якшиханум!

Взгляды их встретились.

Боже, как они смотрели друг на друга! А как он смотрел на нее! Куда девался тот злобный взгляд? Любовь и нежность излучали сейчас глаза парня.

Рука вора обмякла.

- Как дела, Беюкага?

- Хорошо, Якшиханум, хорошо.

- На работу устроился?

- Обещают. На этих днях... начну работать.

Сияющий взгляд девушки не отрывался от глаз Беюкаги...

Рустам изумленно наблюдал за ними. Ожидающий мелосердия взгляд парня обратился к Рустаму. И тогда Рустам, чуть склонившись, проговорил ему в ухо:

- Молодой, здоровый. Не стыдно тебе? И чудную девушку обманываешь, говоришь, буду работать, это – твоя работа?

И Беюкага зашептал Рустаму в ответ:

- Умоляю, не позорь меня при ней. Отпусти.

Еще некоторое время длился их диалог. Шепотом:

- Из-за тебя я чуть не пришел домой с пустыми руками. У скольких семей ты уже украл обед!...

- Если ты не опозоришь меня перед этой девушкой, с этим покончено.

- А можно тебе верить?

- Поверь... Поверь...

- Потом скажешь: надул!

- Никогда! Хочешь, поклянусь!

- Не нужно. Я дарю тебя той девушке. Якшиханум. Будь мужчиной!

Рустам разжал пальцы. И Беюкага вытащил свою руку из кармана Рустама. Лицо его порозовело, глаза засияли.

- Спасибо!

- Ладно уж...

Беюкага двинулся к Якшиханум. Сколько властной нежности, сколько кокетства, сколько радости, сколько веры было в глазах Якшиханум!

Рустам смотрел на них как околдованный. Как много рассказали ему их взгляды. Его глаза. И ее глаза.

Он сошел с автобуса. Лица его коснулся прохладный легкий ветерок. «Правильно ли я поступил? Возможно, кто-нибудь и упрекнет меня, но я верю в чудесную силу любви... Может быть, я ошибаюсь!... Нет, когда он смотрел на нее, я увидел в его глазах свет. Ему я и поверил... Поверил в то, что может еще этот парень вернуться к нормальной жизни. Может, может... А не слишком ли ты доверчив, Рустам? Говоришь, может. А вернется ли?...»

Уже у самого дома ему вспомнился эпизод из «Отверженных». То место, где рассказывается, как обошелся епископ с Жаном Вальжаном. Рустам улыбнулся.

1977

В СВОЕМ ГЛАЗУ....

(из цикла «Отцовские думы»)

«Отцовство....отцовское чувство!....»

Гаджибаба проглотил последний глоток, осторожно поставил стакан на блюдце и взял в руки газету. Его внимание привлекла статья о воспитании. «Раньше я на такую писанину вообще не обращал внимания. Считал, меня не касается. А теперь – у самого двое. Как

только увижу какую-нибудь корреспонденцию о детях или родителях, уже не отталкиваю от себя: и меня это касается, и меня!...»

Гаджибала сидел на балконе и так углубился в чтение, что и не заметил, когда жена забрала пустой стакан и принесла еще чаю.

- Ах ты, зараза! Ах ты, сучье отродье!

- Эта брань, летевшая с соседнего балкона, оторвала Гаджибалу от чтения. Ошалело озираясь, он даже выронил из рук газету.

Это соседка ругала дочь. Таким вот странным образом она воспитывала своих многочисленных детей.

Гаджибала разволновался и пошел в комнату. Жена шила старшему сыну рубашку.

- Назакет! Опять наша соседка свой поганый рот раскрыла. Такой отборной бранью поливает своих детей, что слушать стыдно. К тому же еще и деда, и отца, и самого ребенка под прицел.

- Привыкла ругаться. Я же несколько раз ей об этом говорила. А она хоть бы что. У каждого, говорят, человека есть недостатки, пусть это будет моим единственным недостатком. Так, мол, я душу отвожу, когда мои отпрыски мне досаждают. Говори не говори, вряд ли она от этого отучится.

- Но я заметил, Назакет, что она никогда не забывает в потоке своей брани помянуть недобрым словом отцовскую родню своих детей.

Еще долго Гаджибала возмущался. Наконец, излив душу, он снова пошел на балкон. У соседей было тихо. Как видно, наступил мир.

Гаджибала протянул руку к стакану. Чай остыл.

- Назакет, не сочти за труд, принеси горячего чайку!

Жена принесла чай. Вернулась в комнату, и сразу послышалось стрекотание швейной машинки.

Гаджибала взялся за газету, чтобы дочитать статью о воспитании. Но тут поднялся невообразимый шум в его собственном

доме. Гаджибала сердито отшвырнул газету и бросился в комнату. Кричал младший сын. Старший толкнул его, тот упал, и старший вырвал у него игрушку.

У маленького на лбу выскочила шишка, так сильно он ударился.

Гаджибала не помня себя схватил старшего сына и сильно встряхнул его:

- Ах ты, щенок, ах ты, сукин сын, в кого ты такой уродился! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не трогал маленького!

Мало того что отругал сына, он еще пару раз сильно шлепнул его.

Шлепнул и вдруг, словно очнувшись, посмотрел на жену, посмотрел пытливо, настороженно. Увидев во взгляде жены горькую иронию, он смутился и растерянно проговорил:

- Видишь, Назакет, что получается. Сколько раз я ему твердил, чтобы он...

- Вижу, - спокойно сказала Назакет, подняла маленького с пола, а старшему сердито бросила:

- Уйди с моих глаз долой!

Вмиг мальчик исчез.

Назакет очень внимательно посмотрела на мужа.

Ах, как трудно ему было выдержать этот обжигающий сердце взгляд. Он взволнованно ждал, что скажет жена. Не вспомнит ли она одну известную пословицу. Но Назакет молчала. Она вообще не любила много говорить. Она умела обойтись одним словом там, где другому понадобились бы по меньшей мере три. Поэтому ее «вижу» прозвучало достаточно внушительно. Весомо. А на этот раз она, кажется, вообще решила промолчать. Но по выражению ее лица Гаджибала мог безошибочно понять, что думает Назакет. «Почему так получается, что человек в своем глазу бревна не замечает, а в чужом соринку видит? Почему?...»

В ДОМЕ РАСТЕТ РЕБЕНОК...

(из цикла «Отцовские думы»)

В доме рос ребенок. Избалованный ребенок. Это видели и отец, и мать. Да. Видели. Но...

Когда ребенку исполнилось три года, у матери с отцом состоялся серьезный разговор:

- Хошгадам, слава аллаху, мы с тобой оба с высшим образованием, считаемся людьми интеллигентными, сами воспитываем своего ребенка и сами же калечим его. Если мы теперь, когда ему только еще три года, не примем меры, знаешь, к чему это может привести?

- Знаю, Садреддин. Я сама хотела с тобой об этом поговорить. Конечно, мы сами портим его. Не можем обуздать свои чувства. Обнимаем, без конца целуем, к каждому слову прибавляем «джан». Он только и слышит – «джан», «джан», «джан». Любой бы избаловался. И я в том числе.

- Ты абсолютно права, ты точно уловила наше слабое место. Я предлагаю прямо с завтрашнего дня вести себя с малышом более сдержанно, более серьезно, что ли. Как ты думаешь?

- Я согласна. Но не знаю, сумеешь ли обуздать себя ты. Ведь только стоит Ханбале подойти к тебе и сказать: «Папуля», как ты, сам того не замечая, расплываешься в улыбке и «джан»-ы так и выстраиваются в ряд.

- Больше этого не будет, не будет.

- Будет, Садреддин, будет.

- Я же сказал, что нет, значит, нет. Но и ты умерь немного свои поцелуи. Когда ты начинаешь целовать его во все места, меня буквально передергивает.

- А что тут особенного? Это же мой ребенок.

- Ребенок-то твой, слов нет. Но стоит подумать, чтобы наша радость не обернулась горем.

- Конечно, воспитывать ребенка очень трудно, Садреддин. Я полагала, когда кончатся пеленки, придет всем трудностям конец. Оказывается, настоящие трудности только начинаются. Слава замаранным пеленкам! Я только теперь начинаю понимать, сколько перетерпели наши родные, пока вырастили нас.

- Мир праху наших покойных родителей, Хошгадам. Блаженной памяти отец говорил мне: «Сынок, когда ты сам станешь отцом, тогда поймешь и оценишь нас». Старик говорил правду.

- Садреддин, вот, кстати, мы дали нашему ребенку имя твоего отца, и ты каждый раз, обнимая его, непременно говоришь: «мой отец», «дорогой отец», «глава нашей семьи», «аксаккал нашего дома». Разве это не приучает его думать, что он и правда самый главный в доме?

- Что ты хочешь сказать? Я должен лишиться себя даже этой радости?

- Не знаю...

* * *

На следующий день, вернувшись с работы, Садреддин старался не обращать внимания на сынишку. Он медленно умылся, не торопясь вытерся. Ханбала крутился тут же, украдкой поглядывая на отца. Поглядывал малыш удивленно, потому что не узнавал своего отца. Что случилось? Почему папа не берет его на руки, не целует, не говорит «джан»?

Садреддин тоже украдкой поглядывал на сына. Чувствовал его волнение. «Смотри, Садреддин, будь стойким, выдержи это испытание!».

Не успел Садреддин сесть за стол, как Ханбала, не вытерпев такой непривычной отчужденности, подошел к нему и ласково позвал:

- Папуля!..

Садреддин сжал зубы, чтобы удержать готовое сорваться с языка привычное «джан».

- Ну, чего тебе?... – безразличным тоном буркнул Садреддин.

Ханбала растерялся, надул губы и с обидой в голосе проговорил:

- Папуля, так маме нужно говорить, а мне нужно «джан».

Мать, видя, что отец замешкался, поспешила вмешаться.

- Когда к человеку обращаются, сынок, то вовсе не надо в ответ говорить «джан», а надо сказать: «Я тебя слушаю».

Садреддин оживился и выпалил:

- Что тебе, я тебя слушаю!

Хошгадам улыбнулась. А ведь верно говорится: от дождя спрятались, угодили под ливень... Но при ребенке она ни слова мужу не сказала.

А вечером, как и было условлено, Ханбалу не обнимали, не ласкали, не целовали.

Мальчик обиделся, похныкал, поплакал, но, ничего не добившись, заснул весь в слезах.

И сразу же родители устроили совещание.

- Первый день, кажется, прошел неплохо, - сказал муж. – Но признаться, очень трудно сдерживать себя.

- Ханбала места себе не находил без твоего «джан». Но, знаешь, Садреддин, твое «чего тебе» испортит все дело. Я все время ему внушаю, что, когда, к тебе обращаются, надо вежливо сказать: «Я вас слушаю». И сама, когда он что-нибудь спрашивает, непременно говорю: «Я тебя слушаю». А ты не говоришь, а рычишь: «Что тебе». Ханбала привыкнет и тоже начнет рычать, как его папа... Это нужно прекратить...

Садреддин потерял покой. И днем и ночью он не переставал думать. Он ломал голову, не зная, как избавиться от всех этих «джанов» и «чего тебе». Как найти те самые единственно правильные слова. «Ведь...»

Ведь в доме растет ребенок!

1966

КОНЕЦ ТРЕВОГЕ

У магазина «Ювелирные изделия» Мустафа остановился, перевел дух, глянул на часы и удовлетворенно кивнул головой: «Вечно бегу, будто кто-то меня подгоняет. Сегодня этот кто-то был разумнее обычного... Иначе...».

И хотя до закрытия магазина оставалось совсем немного времени, Мустафа, примчавшийся сюда со всех ног, теперь почему-то не торопился войти.

Он встал перед витриной. Отсюда было видно все помещение. Вон за стеклом два отдела «Серебряные изделия», а рядом отдел «Золотые и ювелирные изделия».

Все, что красовалось на витринах, Мустафе было давно знакомо. Он с закрытыми глазами мог рассказать, где что лежит, что снизу, что сверху, что по бокам.

Серебряные изделия продавал высокий, смуглый, мрачного вида парень, каким-то странным зачесом густых черных волос и с узенькой щеточкой усов. На нем всегда была крахмальная белая сорочка. Отнюдь не все считали продавца серебряных изделий мрачным парнем, так окрестил его Мустафа с тех самых пор, как повадился сюда ходить. Конечно, не без причины продавец казался Мустафе таким неприветливым.

Почему-то каждый раз, когда Мустафа входил в магазин и вставал перед отделом «Золотые и ювелирные изделия», его сразу, будто паутиной, опутывал мрачный взгляд этого самого продавца. «Непонятно, что это с ним происходит, - так и следит то за тем, то за другим, словом, за всеми, кто подходит к продавщице. И ведь никто

ему не скажет: гляди, мол, на свои товары, что тебе до чужого отдела...».

«И мало того, что вечно хмурится, он еще и задается, будто этот магазин достался ему в наследство от отца.

И вообще, если ты такой долговязый, разве обязательно вытягивать шею и всюду совать свой нос? Осторожнее, малый, осторожнее, того гляди сломаешь свою длинную шею. Таких вот юнцов на нефтяных промыслах днем с огнем не сыщешь. Небось, каждое утро целый час возится со своими волосами, иначе отчего бы им так блестеть. А там бы у него времени не было голову почесать...»

По соседству с этим «мрачным парнем» в отделе ювелирных изделий работала беленькая, тоненькая девушка. Какое же впечатление она производила на Мустафу? А вот такое: умеет себя вести – держится строго, а надо – и улыбнется. И строгость, и улыбка – все ей к лицу. И выдержка у нее поразительная. Отвечая на вопросы покупателей – а они, как известно, бывают и толковые и бестолковые, – никогда не теряет самообладания. Это в представлении Мустафы многого стоит.

Одним словом, насколько приятна была ему продавщица, настолько же неприятен продавец. Но сколько он ни старался прийти, когда парня нет на работе, тот, как назло, всегда оказывался на месте.

В предыдущий его приход этот «мрачный парень» ему окончательно опротивел. «Сами подумайте, я и так стесняюсь, когда спрашиваю девушку о нужных мне вещах, и она всегда охотно мне отвечает, а этот подходит сбоку и стоит. Ну ладно, подслушиваешь, черт с тобой (если не подслушаешь, наверно, лопнешь от любопытства). Но чего ты ухмыляешься, над чем хихикаешь? Над чем? Что это в самом деле! Схватить бы тебя за грудки, сказать: послушай, дорогой, ты над чем смеешься? Здесь ведь не цирк и никаких клоунов нет! Так чего же ты смеешься?!».

Мустафа, конечно, не схватил «мрачного парня» за грудки, а просто проглотил обиду и ушел.

И теперь, заглянув через стекло в магазин, он сразу увидел «мрачного». Настроение у Мустафы испортилось. «Ну как тут не взбеситься? Змея терпеть не может мяту, так она непременно вырастет у ее норы».

А девушка тем временем вела оживленные разговоры с покупателями и была увлечена делом. Мустафа смотрел на нее. Долго смотрел... И вдруг «мрачный парень» подошел совсем близко к стеклу и встал лицом к лицу с Мустафой. Покачав головой, Мустафа поспешил отойти от витрины.

В магазине был еще один отдел – «Металлические изделия». Он находился справа от двери, а те два – слева.

Обычно Мустафа даже не поворачивал голову в сторону третьего отдела. Но сейчас, чтобы ускользнуть от внимания «мрачного», он, войдя в магазин, свернул вправо и стал разглядывать металлические изделия. Так вот, рассматривая всякие там ложки и плошки, он подошел к отделу золотых и ювелирных изделий.

А в это время какая-то полная женщина морочила голову «мрачному парню». Она не просто, а даже с вождением всматривалась в серебряный поднос и что-то бесконечно спрашивала у продавца. И тот, надо отдать ему справедливость, охотно отвечал ей.

В отделе золотых и ювелирных изделий было три покупателя. Но продавщицу они пока не тормозили, рассматривали лежащие под стеклом изделия. А сама продавщица приводила в порядок полку.

- Извините, можно вас на минутку? – спросил подошедший Мустафа.

Услышав знакомый голос, девушка обернулась. Увидев Мустафу, поняла, что не ошиблась: «Тот самый парень, который уже столько раз был здесь и все никак не нападет на обручальные кольца. Стеснительный парень...».

Мустафа не знал, что продавщица дала ему такое прозвище. Да и откуда ему было это знать?

Но почему все-таки она решила, что он стеснительный? А вот почему – Мустафа еще в первый раз спросил, есть ли обручальные кольца. До этого он долго разглядывал всякие вещицы под стеклом, а потом, покраснев до ушей, чуть ли не шепотом задал в общем очень естественный вопрос.

Девушка не только заметила, как смутился парень, но ей это даже понравилось:

«Смотрите, какой стеснительный. Другие приходят, чуть ли не в лицо лезут, а то еще такое словцо бросят, что не знаешь, куда деваться. А этот... Нет, все-таки не перевелись еще приличные парни... Ох и повезло же той девушке, для которой он только ищет».

Продавщица, подойдя ближе к Мустафе, сказала:

- Я вас слушаю.

Мустафа так же тихо, но решительно спросил:

- Вы обручальных колец так и не получили?

Девушка быстро ответила:

- Получали и уже продали. – Увидев, как погрузился парень, она добавила: - Что же вы не приходили? Ведь я вам прошлый раз сказала, что скоро получим! Вы, наверно, забыли.

- Нет, я не забыл, - приободрился Мустафа, уловив сочувственную интонацию девушки. – Дела... знаете, не было времени.

- Теперь обручальные кольца долго не лежат. Сорок штук получили. И сразу же продали.

- Наверно, много влюбленных пар.

- Наверно... - невесело откликнулась девушка.

Ее темные дугобразные брови чуть-чуть поднялись, и лицо сразу посерьезнело.

Мустафа обругал себя в душе: «Влюбленные пары! С чего мне это пришло в голову? Говорю невесть что...».

Кто-то из покупателей позвал продавщицу. Она отошла.

Мустафа глянул на соседний отдел. Полная женщина все еще не отпускала «мрачного парня». И Мустафа с симпатией подумал о ней: «Слава богу, заморочила ему голову. А то бы он давно сунул сюда свой нос. Хоть бы она еще немного его задержала!...»

А девушка довольно быстро обслужила покупателя и вернулась к Мустафе. Лицо у нее снова выражало прежнюю приветливость, и ему даже показалось, что она чем-то обрадована.

Мустафа приободрился. «Скажу... А то стою как в воду опущенный? Надо действовать!».

- У меня к вам просьба, можно вас попросить... - Его полный надежды взгляд блуждал по лицу девушки.

- Пожалуйста. О чем? - И она с интересом посмотрела на него.

- Вы знаете, я работаю далеко отсюда, в море... На Нефтяных Камнях. Может быть, слышали?

- Конечно, слыхала. Кто же не слыхал о Нефтяных Камнях!

- Ну, это я так просто сказал... А главное вот что: оттуда не всегда удается выбраться. Вот я и подумал: попросить вас, когда поступят кольца, оставить для меня одно.

- Но ведь мы не имеем права оставлять товар. Если клиенты узнают, они разнесут магазин. Вы хотите, чтобы на меня поступила жалоба?

- Боже упаси! Ни за что!

Взгляды их встретились. И они, точно сговорившись, оба потупились. Парень подумал:

«Напрасно я пристал со своей просьбой. А чего добился? Только поставил ее в неловкое положение. Недаром говорят, что худо тому, кто просит, а еще хуже тому, кто отказывает. Вечно со мной так – не успокоюсь, пока не сделаю, что взбредет в голову! А каково ей,

бедняжке? Оставит, а потом иди доказывай – зачем оставила? Для кого оставила?».

Девушка стояла растерянная и чувствовала себя виноватой. «Сомной всегда так, если мне хоть немножко человек понравился, я непременно что-нибудь выкину и обижу его. А потом сам себя поедом ем».

Подошла женщина в очках. Она хотела посмотреть золотую брошь. Девушка достала брошь и протянула ее покупательнице. Но мысли ее были заняты «стеснительным парнем».

«Нефтяник, оказывается. Да еще где работает! Поэтому и не может прийти когда захочет. Такому и не грех помочь. А то ведь что делаем – оставляем для родственника, приятеля, племянницы такого-то начальника или невестке заведующего. И кривляются они и фасонят. От их сомнения в магазине тесно становится. И подавай им все без очереди. Почему? А вот когда приходит такой скромный человек, о нем никто не заботится. Как бы там ни было, я должна ему помочь! Но как? Оставить кольцо я не смогу...

Расстроила я его. Правда, всю старается не показаться обиженным. Но глаза выдают, не слушаются его. Человеческие глаза! Как много могут они рассказать! Порой больше, нежели хочет сам человек. Странно. Очень странно...»

Женщина в очках, осведомившись о цене брошки, попросила выписать чек. И когда покупательница направилась к кассе, девушка искоса взглянула на «стеснительного парня».

Он ждал.

«Нет, я обязательно должна ему помочь. Обязательно! Труженик... Наверно, в городе у него нет родных или близких людей, а сам он каждый день приходить не может. Если начала доброе дело, не тяни, доведи до конца, иначе, как говорила моя покойная бабушка, что-нибудь да помешает... Даже бабушку вспомнила. Она много чего говаривала: «Ты поможешь, тебе помогут».

Но я вовсе не потому хочу ему помочь, чтобы потом рассчитывать на его помощь. Просто так хочу. Хочу, и все.

Может быть, поговорить с заведующим? Нет, посоветуюсь сначала с Алимусой. Алимуса опытнее меня. Он уже лет шесть здесь работает...».

Женщина в очках купила брошь и ушла. Девушка хотела было вернуться к Мустафе, но тут ее позвали две молодые покупательницы. Испугавшись, что Мустафа уйдет, девушка быстро обернулась к нему и сказала:

- Пожалуйста, подождите немного.

До чего приятно было Мустафе это услышать, а то ведь он и правда собирался уйти. Теперь успокоился и взлянул на «мрачного парня».

Поднос уже был под мышкой у полной женщины. Сказав продавцу «спасибо», она двинулась к выходу, и тот сразу обернулся к Мустафе, но шагу не успел сделать, как к нему со смехом подлетели три девушки.

«Отлично получилось, отлично!... Иначе опять бы пристал...».

А девушки разглядывали серебряные ложки, щебетали и хихикали. И «мрачный парень» расцвел от удовольствия. И стал неузнаваем.

«Вон как хохочет! А когда видит меня, такая у него недовольная физиономия, что тошно становится. Но его крохотные глазки сейчас, точно злые мушки, перебегают с одного лица на другое. Даже голос у него переменялся. Ведь с полной женщиной совсем не так говорил. Вот я тебя и разгадал. Для кого ты мрачный, а для кого и весельчак».

- Я вас заставила долго ждать?

От внезапно прозвеневшего голоса Мустафа даже вздрогнул.

- Нет... Что вы... Я рад... Очень приятно, - проговорил он. – И потом вы ведь ответили, я бы мог и уйти...

Как это Мустафа не почувствовал, когда она подошла. Теперь, наверное, подумает, что он на тех девушек загляделся. И будет права. Нехорошо получилось.

- Вы не должны на меня обижаться, - виноватым голосом продолжала продавщица.

- Я? На вас? За что же мне на вас обижаться!

- Я хочу вам помочь. Но...

Когда успел подойти «мрачный парень», Мустафа не заметил. Вдруг он оказался с ним лицом к лицу.

«Все-таки явился. Не удержался».

Мустафа помрачнел, будто на его лицо сошла мрачность того парня.

А продавщица обрадовалась приходу своего коллеги. Она даже улыбнулась.

- Алимуса, а я только что собиралась тебя позвать.

- Я чувю, когда кому-то нужен. Поэтому и не жду, чтобы меня позвали. Сам иду. Зачем утруждать людей?

- Алимуса, я не шучу. Я серьезно.

И, рассказав Алимусе о просьбе парня-нефтяника, спросила, как можно ему помочь.

Мустафа обалдел от неожиданности. Он переминался с ноги на ногу, будто стоял на колючках. «Мог ли я подумать, что она будет советоваться с этим типом! Не сказать ли сейчас «сердечно благодарен» и гордо удалиться? А совет этого мрачного типа пусть останется при нем!...»

- Значит, так, - Алимуса принял серьезный, даже грозный вид. – Оставляй ты не имеешь права. Сама знаешь, и на тебя, и на заведующего посыпятся жалобы. Но вот что ты можешь сделать: спроси у товарища размер кольца, возьми у него деньги, а когда поступят кольца, купи и отнеси домой. Приезжает он часто. Вы

договоритесь, и ты принесешь ему кольцо. По-моему, так проще всего...

Мустафа сразу почувствовал крепкую почву под ногами, как будто невидимая рука убрала эти несносные колючки.

- Хорошо. А об этом не надо говорить заведующему?

- Можно сказать, а можно и не говорить. Твое дело. Заведующего все равно сейчас нет. Да что тут такого? Ты же имеешь право купить что-нибудь себе в нашем магазине или нет? – Алимуса на мгновение задержал свои юркие черные глазки на лице Мустафы. – Ты знаешь, Назенин, твой покупатель, похоже, человек тихий и скромный. Сколько раз я его видел: спокойно придет, посмотрит и уходит. И притом, говоришь, в море еще работает...

- Молодой человек, если не трудно.... – певучим голосом позвала продавца появившаяся в магазине дебелая блондинка.

Алимуса стремглав кинулся к своему месту за прилавком.

У Мустафы непроизвольно раздвинулись в улыбке губы. Назенин не поняла, чему он улыбается.

- Вы не рассердились на меня за то, что я посоветовалась с ним?

- Нет, почему же... Но, пожалуй, не стоит вас утруждать. Слишком много возни. Отложим. Может, мне повезет, приду раз-другой...

- Никакой такой возни, - серьезным, даже несколько повелительным тоном прервала его Назенин. – Давайте мерку!

- Я не взял мерку. И девушка живет в районе.

- А как же без мерки?

- Ну, примерно я знаю. Как бы это вам сказать... Вот смотрите, у нее пальцы такие же, как у вас. Точно такие! Вы прямо на свой палец и покупайте. Очень вас прошу!

- Хорошо, - пожала плечами девушка. – Давайте деньги. Примерно сорок рублей. Если будет немного больше или меньше – потом рассчитаемся.

Протягивая ей деньги, Мустафа проникновенно сказал:

- Вы делаете мне большое, очень большое одолжение!

- Зря вы это...

- До свиданья!

- Счастливого пути!

* * *

- Здравствуйте!

- Здравствуйте!...А!... Это вы?!

- Я едва ступил за порог, как ваша уборщица закрыла дверь. А приди я пять минут раньше, успел бы.

- Ой, вызвали бы меня, а то столько времени прождали!

- Я постеснялся. Ничего. К тому же ваша уборщица такая решительная женщина, что отца родного не впустит, раз время вышло. На одно слово она тебе пять вернет, да еще с криком.

- Покричать она любит, на это не стоит обращать внимания. Зато она добрая и сердечная женщина. Но законница. Тут ничего не скажешь. Если бы не она, мы никогда не уходили бы вовремя с работы.

Но, знаете, вы на этот раз рано пришли. Мы еще колец не получали. Заведующий говорит, что дня через три-четыре получим. И о вас я ему сказала. Он не возражал.

- Вы сделали меня предметом обсуждения. Мне неловко будет появляться в вашем магазине, - пошутил Мустафа, а про себя подумал: «Ох и осторожная же ты, девушка».

Увидев, что Мустафа задумался, она вдруг торопливо спросила:

- Может, вы о своих деньгах беспокоитесь?

- Ну что вы, ей-богу, - даже возмутился Мустафа. – Как вам пришло такое в голову? Кому же верить, если не вам?

- Не сердитесь. Мне так показалось. Мало ли что бывает...

- По правде говоря, я сегодня пришел не из-за кольца, а по другому делу. Но... - Мустафа замялся, не решаясь, видно, сказать, зачем он все-таки пришел.

У Назенин не хватило терпения.

- Что но?

- Но совесть не позволяет...

- Ох и нерешительный же вы. Говорите, какая у вас ко мне просьба. Не стесняйтесь!

- У вас, кажется, завтра выходной день.

- Да.

- Знаете, я давно уже скопил немного денег. А теперь еще дали премию. Хочу купить своей невесте кое-какие вещи.

А то, боюсь растрочу деньги и останусь с пустыми руками. Я сейчас заходил в универмаг. Там хорошие габардиновые пальто. Но мне трудно самому выбрать цвет да и фасон. А у меня в городе нет ни одной знакомой девушки, не с кем посоветоваться.

- Пальто лучше вашей девушке выбрать самой. Это ведь дорогая покупка... Может быть, у нас с ней разные вкусы.

- Если бы она была здесь, другое дело. Но мне почему-то кажется: то, что понравится вам, ей тоже понравится. У вас хороший вкус.

- Откуда вы знаете, какой у меня вкус?

- Это видно по тому, как вы одеты.

- А как я одета?

- Современно, просто, скромно. По-моему, именно так, как и следует одеваться.

Назенин покраснела. Что за натура у нее такая – краснеть. Услышит что-нибудь лестное о себе и сразу в краску...

«Вот тебе и стеснительный, - подумала она, - как рассыпается в комплиментах». Но вслух сказала:

- Хорошо, а вы спросили, какой у нее размер?

- Не спрашивал. Могу, конечно, примерно сказать. Да точно могу сказать! У нее, к счастью, и рост ваш, и фигура тоже.

Девушка с трудом сдержала улыбку. А Мустафа задумался. Какое-то время они шли молча. На троллейбусной остановке Назенин остановилась:

- Я здесь сажусь. Вы утром пойдете покупать пальто?

- Если у вас будет время. А то, боюсь, что хорошие пальто раскупят.

- Завтра мне и самой надо заглянуть в универмаг. Нужно купить кое-какие мелочи. Ровно в десять ждите меня у входа.

- Большое спасибо!

- Не за что.

И снова оба умолкли. Подошел троллейбус. Ну, хорошо, до свиданья!

«До встречи!» - хотел сказать Мустафа, но не осмелился и глухо повторил вслед за Назенин:

- До свиданья!

Задумчивым взглядом проводил Мустафа троллейбус. Потом, то ли что-то надумав, то ли просто так, направился к приморскому бульвару.

* * *

Когда Мустафа дошел до бульвара, уже зажглись городские огни. Они чуть потемнили желтизну отживающих листьев. Это первое, что привлекло его внимание на бульваре.

«Осень... А ведь в Баку нет осени!... Если бы не эти единичные пожелтевшие листья, можно и не почувствовать прихода осени. Вот в наших краях, на склонах гор – там совсем иная картина. Все вокруг зажелтело, зазолотилось. И лес, и горы, и сады, и кусты, все, все. А смотреть на эту удивительную красоту лучше всего при восходе солнца или на закате. Но уж если зарядит дождь – грязь там у нас по колено. Если бы не это грязьще, я бы наше село ни на один курорт не променял...»

И вспомнился Мустафе такой случай. Это было несколько лет назад. Он получил отпуск. Первый отпуск после первого года работы. Решил отдохнуть в селе.

Надел новый костюм, новые туфли, новую в полоску рубашку. Только пальто у него было старое. «Ничего, еще вполне приличное, сойдет. Все будет хорошо, в будущем году новое куплю», - утешал он себя. По правде говоря, костюм тоже не очень-то ему нравился. Но он из-за этого не расстраивался: «По одежке, Мустафа, протягивай ножки! Заработаешь побольше – купишь подороже».

Зато туфли у него были, слов нет, как хороши! Мягкого шевро, цвет – кофе с молоком. Сделал он их на заказ, так что пришлось порядком раскошелиться, вышел, так сказать, небольшой перерасход. Но он не жалел, потому что чувствовал себя в них превосходно. Впервые в жизни у него такие замечательные туфли. И конечно, он берег их. Один раз надел на свадьбу своего сослуживца, второй раз пошел в оперный театр на «Кероглы». И еще раз – в кино. И все.

Теперь он наденет их, когда поедет в село. Одно обстоятельство только расстраивало Мустафу – как бы не попасть под дождь. Вообще его отпуск пришелся на дождливый месяц. «Наверно, в горах льют дожди. Ну, а если польют дожди, вся неприглядность села ползет наружу. Увязну в грязи, и туфлям – крышка. А если не надевать? Если поехать в рабочих ботинках? Нет. Стыдно. Односельчане засмеют. Скажут, столько времени Мустафа работает, а хорошие туфли справить

себе не мог... Куплю галоши. Это недорого. Пойдет дождь, надену галоши и спасу свои новые туфли. Другого выхода нет. Денег осталось мало, на другие туфли не хватит, а надо еще купить кое-какие подарки тетиной семье. Сколько они для меня сделали».

Этого Мустафа никогда не забывал. Он рано потерял родителей. Отца у него отняла война, мать умерла от рака в конце войны. Мустафе шел шестой год. Сестренке было уже восемь. Тетя Мустафы – сестра его матери – взяла детей к себе. И муж ее относился к сиротам так же заботливо и ласково, как к собственным ребятишкам.

Мустафа кончил семилетку и мечтал поехать в Баку, поступить в техникум. Сестра тоже хотела, чтобы он учился. Сама она уже давно работала в колхозе.

Мустафа спросил дядю.

- Тебе, сынок, лучше знать, - сказал тот. – Лишь бы ты выучился, стал человеком. Это и для нас будет большая радость. Будем гордиться тобой...

Мустафа купил галоши, подарки родственникам, уложил все в новый чемодан и тронулся в путь.

Сел в поезд... Сошел с поезда...

Моросило. Кругом было мокро. Отойдя в сторонку, он осторожно открыл чемодан. Галоши лежали сверху. Он вытащил одну галошу и едва втиснул в нее ногу, как проходивший мимо мужчина, приостановившись, сказал:

- Хвалю за предусмотрительность. Повезло матери, у которой такой предусмотрительный сын. Хвала твоему наставнику!

Мустафа так и не понял, похвалил его человек или посмеялся над ним. Не поднимая головы, он надел вторую галошу и выпрямился. Поискал глазами прохожего, но того и след простыл. А Мустафе хотелось крикнуть ему что-нибудь в ответ. Но он раздумал.

«После драки кулаками не машут... Все-таки он здорово меня царапнул: «Хвала твоему наставнику». Слова-то какие. Это ж надо! Не могут мимо пройти, непременно нужно задеть...»

Мустафа сел в автобус, чтобы ехать в район. Дождь усилился. Шофер вел машину очень осторожно, постепенно снижая скорость. Дорога в гору была скользкой. Опасной.

- Арбу, что тащат волы, мы кое-как перегнали, - со смешком бросил сидящий позади парень – косая сажень в плечах.

- Арбу, сынок, все же лучше, чем черепаху, - прогнусавил другой.

А вислоусый, сидевший рядом с гнусавым, тоже не удержался, чтобы не вставить словцо:

- Если бы постели прихватили, горя бы не знали.

Однако слова вислоусого никого не рассмешили, кроме него самого.

- Послушайте, ребята, оно и лучше, когда человек дело свое, как надо, аккуратно исполняет. Не мешайте ему работать, и пусть делает то, что считает нужным.

Эти слова произнес старик, давно уже сосущий свою трубку. Дым от нее расплывался по всему салону.

- Верно, верно, - поддержал старика его сосед, - нам еще жизнь не надоела, - проговорил он и закашлялся, наглотавшись дыма.

Румяный круглолицый мужчина, что сидел с другой стороны, явно волновался, то и дело оглядываясь по сторонам:

- А когда же мы доберемся до дому? Как вы думаете?

Старик еще сильнее задымил трубкой и спокойно произнес:

- Не спеши, сынок, не спеши.

- Правильно говоришь, отец, поспешишь – людей насмешишь, - вступил в разговор давно не бритый мужчина.

Люди и сами не заметили, как разделились на два лагеря: сторонники шофера, противники шофера.

Мустафа невольно вспомнил того мужчину на станции: «Тебя тут не хватает, ах ты, «хвала наставнику», именно тебя».

Мустафа сидел впереди и в зеркальце видел лицо шофера. Его удивляла выдержка водителя. Ведь он все слышал, но не произнес сам ни слова. Он работал. Так что и уместные и неуместные высказывания разве что вызывали улыбку на его утомленном лице. А руки, казалось, еще крепче держали баранку. Там, где было возможно, он увеличивал скорость, а где нужно – снижал. И делал он это не из-за прихоти пассажиров, - он не мог считаться с тем, кто из них куда спешит, - а в зависимости от дороги – опасная часть пути или менее опасная. Его зоркие глаза ни на секунду не отрывались от дороги, и он искусно объезжал ямы и выбоины, не нарушая плавности движения.

Следивший за водителем Мустафа получал удовольствие. «Крепкие у него нервы. Любой бы на его месте не удержался, бросил бы пару словечек... Да, мастер своего дела. Наверное, потому его и посылают на такой трудный участок. Эх, стать бы таким же мастером своего дела! Не меньше... Мой мастер недавно похвалил меня за сообразительность, сказал, что, если и дальше так пойдет, стану и я мастером своего дела. Хорошо бы, конечно. Но сколько для этого надо еще учиться. Ну и учись... Тебя же за руки никто не держит...»

Мустафа не заметил, когда водитель понизил скорость. Автобус медленно двигался по узкой дороге, проложенной над пропастью. Мустафа глянул вниз. Тут не только у него, у всякого человека потемнело бы в глазах... В зеркальце он увидел напряженное лицо шофера.

Мустафа поглядел на умолкших пассажиров. Тот, вислоусый, что разлогольствовал о постели, и без постели заснул. Голова его свесилась на правое плечо. Он даже храпел. Гнусавый привалился к окну и тоже спал, но тихо. Тот, широкоплечий, подремывал. Старик задумчиво сосал трубку, устремив взгляд куда-то в пространство. А сидевший с ним рядом так и не переставал кашлять, хотя глаза у него были закрыты. Правда, временами, когда кашель усиливался, он

приоткрывал веки, но они тут же снова опускались. Тот, что больше всех торопился, смотрел прямо перед собой. Лицо его выражало недовольство. А давно не бритый разложил на коленях съестные припасы и, причмокивая, с удовольствием уничтожал их.

Кашель, храп, посапывание, чавканье – все это вместе создавало весьма причудливую гармонию звуков.

Мустафа еще раз оглядел всех пассажиров. Каждый из них, независимо от того, чем он сейчас занят – спит, ест, дремлет, бодрствует, - замкнулся в своем мирке. И наверняка никто из них не думает о шофере. Они просто забыли о нем.

А шофер? Шофер помнит о них. И о своих защитниках, и о своих противниках. Обо всех. Он думает только о том, чтобы довезти этих людей целыми и невредимыми. А пока не довезет каждого до места, будет вот так, напряженно сидеть за баранкой.

«Да, водить машину – трудное дело. Ответственное. Чуть что не так, выпутывайся как знаешь! Надо бы научиться водить машину. Будет еще одна специальность. Не помешает. Время наше серьезное: вторая профессия не повредит...»

Водитель прибавил скорость. Мустафа посмотрел в окно. Опасный обрыв остался позади. Впереди тянулась ровная дорога.

«Скоро начнется спуск. А за ним – снова подъем. Потом извилистая дорога. И снова спуск. Выходить еще не скоро. Может, удастся вздремнуть? В поезде все вертелся с боку на бок, пока утро в окошко не заглянуло. Сам не знаю почему...»

Глаза у Мустафы закрылись, голова свесилась на грудь. Потом склонилась к правому плечу. Уже во сне он привалился к окну.

Автобус выехал на дорогу, ведущую к спуску, и Мустафа открыл глаза. «Вот это да, не заметил, как уснул! Еще немного – и проехал бы село».

Вдалеке от дороги тянулся лес. С опушки начинались сельские дома. Издали они казались маленькими, совсем маленькими. Когда

автобус поравнялся с ними, Мустафа попросил водителя остановиться и от души поблагодарил его.

Дождь не переставал. Узенькие канавки, что тянулись по обе стороны дороги, бурлили водой. В пятидесяти шагах от дороги стояла громадная ветвистая чинара. Мустафа бросился под чинару. Здесь было сухо. «Великий дар. И от солнца спасает, и от дождя. Я тут пережду немного, может, и дождь перестанет. Идти-то почти километр! Этак можно превратиться в мокрую курицу. Сейчас, наверно, уже третий час. Шофер говорил, что в три он должен быть в районном центре. А ему еще оставалось проехать восемнадцать километров... В этом году – ладно уж, но в будущем во что бы то ни стало надо купить часы. Не очень дорогие. Необходимая вещь. Если бы я купил в этом году, не было бы костюма... Не стоит горевать, понемногу все уладится...»

Дождь перестал, и Мустафа вышел из своего укрытия.

До села дорога была терпимая. Но вот дождь снова припустил. Мустафа не свернул с дороги. Село уже было близко. Прошел одну улицу, вторую и наконец, ступил на узенькую, грязную улочку, ведущую к дому тети. Прошел немного и остановился – грязь непролазная. Да, здесь нужны хорошие резиновые сапоги или солдатские ботинки, а не туфельки-муфельки.

Держась за придорожные кусты и ветви деревьев, Мустафа медленно продвигался по краю дороги. Но немного ему удалось пройти. Он оступился и угодил левой ногой в жидкую грязь. Туфель наполнилась водой. Со злостью вытащил ногу. Ухватился за ветку кривого дерева и выбрался на чистое место. Недолго думая, он снял туфли. Засучил штанины до колен. Связав туфли, перекинул их через чемодан и, как бывало в детстве, зашлепал прямо по грязи. Не прошел он и полпути, как уши ему защекотал чей-то смех:

- Нам-то что, хи, хи,... мы – деревенские, к грязи привыкшие... хи..., хи... Не то что городские – ай-ай, туфли загрязнились!...

- Лучше в руке нести, чем переживать...

Мустафа обернулся. За ним шли двое. Оба в резиновых сапогах. Гневным взглядом окинул их Мустафа, и почему-то эти двое превратились в его глазах в того, что крикнул ему: «Хвала твоему наставнику».

А те, заметив, какие сердитые взгляды бросает на них городской, умолкли. Мустафа прошел наиболее грязный участок улицы и остановился, поджидая насмешников. Когда они поравнялись, один из них узнал Мустафу.

- А, Алимардан, это же сын нашего покойного Кафара. Ну и ну...

- Добро пожаловать, сынок, почаще навывайся к нам, - вроде бы извиняясь, зачастил Алимардан.

- Чтобы вы всегда меня так встречали, чтобы было над кем посмеяться?

- Ну, посмеялись мы, а ты, сынок, забудь.

- Это можно. А что вы скажете об этой грязи? Вместо того чтобы людей высмеивать, взяли бы да засыпали ямы, осушили бы болото. Сколько раз в день вы тут проходите, неужели вы из камня сделаны, что не замечаете...

- Эх, милый, кому ни говорю, делают вид, что не слышат. Председатель колхоза здесь не проходит, председатель сельсовета тоже, и бригадир не проходит. Им и дела нет! А у таких, как я, возможности нет.

- А что такое особенное для этого нужно?

- Три вещи нужны: арба, запряженная парой крепких быков, свободный от работы человек и галька. Много гальки. А везти ее суда далеко. Кто два рейса за день сделает, того мужчиной назову.

- Дядя Алимардан, свободный от работы человек есть, я в отпуск приехал. Пусть дождь перестанет. И мы это дело провернем.

- Нет, сынок, мы не позволим, чтобы ты взвалил на себя такую работу. Ты нас и так пристыдил.

Через три дня Мустафа отправился к председателю колхоза. Правление находилось в другом селе – колхоз объединял четыре села. И, как показалось Мустафе, именно их село было на положении пасынка.

Председатель, говоря по совести, встретил Мустафу приветливо.

- Арбу я дам, - сразу сказал он, - но с людьми у меня туговато, сейчас разгар...

- Знаю, что людей нет, - избавил Мустафа председателя от объяснений. – Я берусь за это сам. У меня отпуск, тетины сыновья мне помогут. К тому же у меня есть в этом деле кое-какой опыт.

Мустафа имел в виду, что все каникулы в годы учебы в техникуме он был рабочим в дорожном управлении.

Помощников у Мустафы оказалось даже больше, чем он ожидал. Директор школы, узнав об инициативе своего бывшего ученика, сразу организовал субботник. Он послал к Мустафе учащихся старших классов и молодых педагогов. И вообще многие молодые люди сами являлись, когда были свободны, в распоряжение Мустафы. Мустафа превратился в «главного инженера». Правда, «главный» частенько работал больше своих подчиненных. Между прочим, те насмешники – «хвала твоему наставнику», - каждый раз проходя мимо, тоже брались за лопаты. Только Алимардан больше работал языком, чем руками, не переставая восхвалять молодежь...

Когда дорога была готова, председатель колхоза выразил Мустафе и его помощникам благодарность и сообщил, что напишет об этом на работу Мустафы.

- Это уже ни к чему! – запротестовал Мустафа.

- Как это ни к чему? Пусть знают, как ты провел свой отпуск!

Утром, отправляясь в город, Мустафа поглядел на свои туфли и улыбнулся: «Везет тебе, парень! По городу в этих туфлях теперь не прогуляешься. Придется новые купить. Так что покупка часов месяца на три откладывается. И все из-за проклятой грязи...»

- Извините, который час?

Погруженный в свои воспоминания, Мустафа даже вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял парень, держа под руку девушку.

- Что? Время? Сейчас... - И, торопливо приподняв левую руку, ответил.

- Большое спасибо! – хором поблагодарили его парень и девушка и отошли.

А Мустафа погулял вдоль берега и сел на пустую скамью. Он сидел и глядел на море. Просто глядел, прислушиваясь к шепоту омывающих берег волн. Почему-то ему показалось, что море готовится ко сну. Прильнув к груди Баку, Каспий захотел отдохнуть от утомительной работы.

«Как ты сейчас спокоен. Каспий! Спокоен, как ягненок. Тот, кто тебя не знает, может подумать, что ты всегда такой мирный... Но я тебя во всех видах видел, мой Каспий! Во всех. Пусть спросят у меня про твои капризы. Я расскажу. Ни одно море не может вступить с тобой в соревнование! Ты удивишься, откуда, мол, он знает мой нрав. А как же? Разве мы не делили с тобой хлеб-соль четыре года подряд!»

Три года по окончании техникума Мустафа работал на Нефтяных Камнях оператором в бригаде нефтедобычи. И скоро год, как его перевели на должность помощника мастера.

«Что бы, мой друг, тебе всегда быть таким вот ягненком. Не мучить нас. Разрешить нам по-доброму забирать запрятанные в глубине твоих вод сокровища. Почему бы нет? Ты же видишь, что справиться с нами тебе не под силу.

Поначалу, правда, твой нрав меня очень пугал. Но потом я так к тебе привык! Теперь, когда бы я ни поехал, всегда спешу вернуться, чтобы увидеть тебя».

Чей-то смех привлек внимание Мустафы. Он не заметил, когда на другом конце скамьи сели парень и девушка.

Парень что-то рассказывал, и девушка покатывалась со смеху.

«Как им весело. И впрямь чувствуют себя на седьмом небе. Влюбленные. Любить и быть любимым. Быть любимым и любить. Это и есть счастье. Верно я говорю, мой Каспий? Что это ты улыбаешься, как тот мрачный тип? Разве я сказал что-нибудь смешное?»

- Хорошо, дорогая, смех смехом. – Парень взял в свою ладонь руку девушки и сжал ее. – Но ты не сказала, когда мы наконец сыграем свадьбу. Моему терпению...

- Подожди еще немного, - чуть капризно прервала его девушка. – Ведь еще год не прошел со дня смерти папы. Всего два месяца осталось.

- Хоть бы скорее промчалось это время!

- Не спеши, это только кажется долго, мы и оглянуться не успеем, как промелькнут эти два месяца.

«Погляди, Каспий, на этого злодея, два месяца вытерпеть не может! Если бы мне удалось за два года достичь своего счастья, я бы прыгал до небес!.... С папиной смерти еще года не прошло. Бедные папы...»

Капля дождя упала на руку Мустафе. Он поднял голову.- Кажется, дождь начинается, вставай. – Парень взял девушку за руку и поднял ее.

Весело, болтая, они ушли.

«Вот и бакинскую осень я потревожил, наверно, она рассердилась и поспешила показать свой нрав. Пойдука и я, мой Каспий! Ты дождя не боишься. Тебе-то что. Пока! Через два дня мы снова будем вместе! Не скучай!»

Только теперь Мустафа почувствовал, что голоден. «Надо зайти в какой-нибудь ресторан и поужинать. Зайти-то зайдешь, да сколько прождешь! Если за час подадут, скажешь спасибо. А еще когда узнают, что ты не в ладах со спиртным, так глянут на тебя, будто ты оскорбил весь их род. Обслужить, конечно, обслужат, но кое-как. Да, странный народ эти официанты»...

Мустафа вошел в двери ресторана, и его оглушили громовые звуки музыки.

Назенин подошла к большому зеркалу и показалась себе очень элегантной. До сих пор она почему-то себя такой не видела, глаза у нее засияли. Сердце забилось какими-то странно тревожными толчками. Она повернулась к Мустафе и покраснела.

- Ну как? – спросил он, оглядывая ее с головы до ног.

- Хорошо, будто прямо на меня сшито... - сказала она и даже вздрогнула от зазвучавшего в ее голосе легкого, радостного звона.

«Странно. Так радуюсь, будто себе покупаю. А какое дело той девушке, на меня или не на меня сшито это пальто? Может, на ней оно будет плохо сидеть. Может быть, ей вовсе не понравится. Может быть, ей будет неприятно, что пальто выбирала и мерила другая. Мало ли какие мысли могут закрасться ей в душу. Вот не было печали!... Что скажут друзья, если узнают или вдруг увидят меня? Ну ладно, хватит себя корить. Обратился человек с просьбой. Ты ее уважила. Сделала доброе дело. Так не жалея об этом. Стыдно».

- Смотри, какая хорошая пара. Как они друг другу подходят, - громким шепотом сказала одна продавщица другой.

«Какая хорошая пара», - звенело в ушах Назенин.

«Интересно, а он слышал? Позор какой. Хоть бы он не слышал...»

Назенин посмотрела на Мустафу. В его глазах стоял тот же вопрос.

«Ох уж эти девицы! Назенин, конечно, слышала. Иначе чего бы она вдруг покраснела? Делает вид, что не слышала».

Мустафа направился к кассе. А Назенин сняла пальто и, подойдя к продавщицам, бросила на них сердитый взгляд. Те и внимания не обратили. Взяли пальто, аккуратно сложили его, завернули в белую

бумагу, делая это почему-то вдвоем, и, положив перед Назенин аккуратный пакет, сказали:

- С обновкой! Носите на здоровье!

Назенин вынужденно, сквозь зубы процедила:

- Спасибо!

Подошел Мустафа, взял сверток, и они пошли к выходу. Провожавшие их глазами продавщицы рассмеялись.

- Пусть наступит такой день и для тебя! – полушутя-полусерьезно сказала одна другой.

- И для тебя...

На лестнице Назенин поскользнулась, наступив на огрызок яблока. Если бы Мустафа не поддержал ее, она бы упала.

- Благодарю вас!

- Это я вас должен благодарить, Назенин-ханум. Вы были так добры, что пришли сюда, - сказал Мустафа и, заметив, что все еще держит руку девушки, торопливо, словно боясь обжечься, отпустил ее.

- Опять вы о том же... Давайте условимся не говорить об этом. Подумаешь, как трудно померить пальто! И еще. Пожалуйста, не называйте меня ханум. Зовите просто по имени. Хорошо?

- Хорошо! А я-то, я-то до чего догадлив! До сих пор не сказал вам, как меня зовут. Хотя и поздно, но разрешите представиться: Мустафа.

Они уже спустились на первый этаж и когда дошли до трикотажных товаров, Назенин остановилась:

- Извините меня, мне нужно сюда, до свиданья, за кольцом зайдите в магазин дня через два. Может, получим.

- Я завтра отправляюсь на Камни. Если все будет хорошо, приеду дней через десять. А к вам просьба. Возьмите на себя труд взять кольцо к себе домой.

- Подумаешь, какой труд. Пожалуйста. Счастливого вам пути!

- Счастливо оставаться! – Мустафа не заметил, как протянул девушке руку, как его загоревшие и огрубевшие от солнца и ветра большие пальцы осторожно пожали ее узкую ладонь.

«Если все будет хорошо, приеду дней через десять... Ну где же он? Почему не появляется? Может быть, заболел? Как он спешил купить кольцо! Сколько времени потратил, а теперь не приходит взять его. Нет, с ним что-нибудь случилось. А то бы уже давно пришел. Давно...»

Мустафа не появлялся. Назенин ждала. Тревожилась.

Почему?

Только ли потому, что парень не приходил за своим кольцом?

Нет! Не только!

Но почему же?

Назенин была девушка добрая и чуткая. Она не могла равнодушно относиться к чужой беде. Если кто-нибудь из знакомых болел или попадал в какую-нибудь неприятную историю, Назенин так искренно огорчалась, будто случилось что-то с ней самой. Вот и сейчас, вообразив, будто с Мустафой что-то стряслось, она встревожилась.

Но только ли из-за этого волновалась Назенин?...

Нет. Не только.

Из-за чего же еще?

Этого она и сама не знала.

Но почему-то последнее время она ощущала какое-то беспокойство. Беспочинное? Пожалуй, нет. Не совсем. Она старалась не думать об этом, она старалась гнать от себя эти мысли. Ей хотелось убежать, спрятаться от самой себя.

А можно ли убежать от самой себя?

Хотелось думать, что можно.

А на самом деле?

На самом деле в голове у Назенин все перепуталось, и будто глаза заволокло туманом. И в этой туманной путанице ясным было только одно: Мустафа перестал приходить. Перестал. И Назенин ждала.

Назенин несколько раз порывалась сказать Алимусе, что парень не приходит за кольцом. Она хотела посоветоваться с ним, но все не решалась. Вдруг что-нибудь заподозрит. Может быть, прямо и не скажет, а сам подумает, что она, мол, слишком много заботы проявляет об этом парне-нефтянике. Подумаешь, не появляется несколько дней, а она себе места не находит.

А чего она в самом деле стесняется? Если сердце у нее спокойно, чего ей стесняться?

А спокойно ли оно? Уж не влюбилась ли она?...

Вот и сегодня Назенин все раздумывала, поговорить ей с Алимусой или еще подождать. Но к концу рабочего дня он сам подошел:

- Слушай, Назенин, тот парень-нефтяник что-то не попадаетея мне на глаза. Приходил он за кольцом или нет?

- После того раза не появлялся. И кольцо его у меня, просто не знаю, что делать. Зачем я только согласилась!

- Да ну, что ты... Так сразу: зачем согласилась! Наверно, что-нибудь задержало его. А то бы он уже не раз сюда пришел. Надо узнать.

- Ай, Алимуса, ну как я могу узнать, да и вообще мне неудобно.

- А я на что?

- А где ты узнаешь?

- Как это где? У него на работе. У них, кажется, и в городе есть управление. Позвоним и узнаем. Скажи мне его имя, фамилию, на каком он промысле?

- Ты так спрашиваешь, будто я его анкету заполняла. Знаю, что его Мустафой зовут. А больше ничего не знаю.

- Гм... Маловато. Это осложняет дело. Мустафа... Сколько их там? Один из них – мой двоюродный брат. И он заведует магазином на Нефтяных Камнях. По словам моего брата, у них работает чуть ли не пять тысяч человек. Три промысла, на каждом кто знает сколько бригад. Несколько строительных контор. Строители эстакад – это одно, а строители жилых домов – другое. где же нам искать Мустафу? По телефону нам ничего не удастся узнать. Ага! Я, кажется, придумал! Съезжука я сегодня вечером к моему двоюродному братцу. Давно у него не был. Совместим, так сказать, приятное с полезным. Убьем, как говорят, одним выстрелом двух зайцев. Если застану его дома, дело сделано. Братец мой – бойкий мужик. Он всех там в лицо знает. Я не преувеличиваю. Скажу ему приметы Мустафы. Там он поспрашает и найдет своего тезку. Потом сообщит нам. Пока больше ничего не могу придумать

Алимуса умолк. Но по тому, как то сужались, то расширялись его маленькие глазки, можно было догадаться, что он о чем-то серьезно думает. Чтобы не мешать ему, Назенин тоже молчала.

- Так, - наконец заговорил Алимуса, - теперь мне надо вспомнить приметы Мустафы. Среднего роста. Худощавый. Черные, очень черные, наверно, жесткие волосы. Зачесывает он их назад... Слушай, Назенин, ты мне совсем не помогаешь, если ошибусь, поправь. – И Алимуса, довольный собой, бросил на девушку мимолетный взгляд.

Хотя Назенин ему не ответила, по ее светлой улыбке было ясно, что она готова его поправить, если он ошибется.

- Брови у него широкие, кажется, чуть светлее волос. Немного выгорели. Глаза большие. Лицо... Лицо... Ну, потому ты мне не помогаешь, говори, какое у него лицо?

- Ты хочешь сказать – смуглое.

- Правильно, Назенин. Смуглое. Лицо у него смуглое. А я и не говорил, что он черномазый, иначе бы он был похож на меня. А он все-таки посветлее.

Назенин невольно улыбнулась. Но промолчала.

- К носу претензий нет, сказал бы, что прямой, если бы только кончик не смотрел чуть-чуть влево.

- Ах ты, Алимуса, один раз видел человека и даже нос его разглядел!

- Как это один раз? Он же пропадал в нашем магазине. В общем, как и мне, с носом ему, бедняге, не повезло. Но нам с тобой от этого ни жарко ни холодно, да, Назенин? Пусть страдает влюбленная в него девушка.

- Разве девушка его за нос полюбила, чтобы еще и страдать из-за какой-то ерунды.

- Разные бывают девушки. Кому нравятся у парня глаза и брови, кому – его карман, а кому и голова....

Назенин рассмеялась:

- Алимуса, ты и девушек на сорта разделил.

Пожилая женщина не могла дождаться, когда продавцы закончат свой разговор:

- Молодой человек, на минутку, если можно...

Голос не обласкал слуха Алимусы. Он неохотно обернулся, взглянул на покупательницу и такую гримасу соорудил, такую гримасу, что если бы увидел себя в зеркале, сам бы испугался.

«От этих нафталинищиц вздохнуть некогда. Нет, чтобы посидеть дома.... Шастают по магазинам и, пока все не пересмотрят, не перетрогают, ни за что не успокоятся....»

Ворчал-ворчал про себя, а все-таки подошел к старухе.

Рабочий день кончался. Назенин смотрела, как уборщица закрывает дверь. Больше никто не придет.

- Назенин!

Какой знакомый, какой желанный голос!

Она оглянулась и не смогла скрыть своей радости.

- Мустафа, здравствуйте!

- Здравствуйте. Назенин.

- Где вы пропадали? Мы так беспокоились. Как раз сегодня говорили с Алимусой, все думали, как вас разыскать. Хорошо, что вы сами появились.

«Разве можно обойтись без Алимусы?» - промелькнуло у Мустафы в голове. А Назенин он сказал:

- Сколько же я вам доставил хлопот!... Извините меня, вы и без того много для меня сделали.

- Ради аллаха, перестаньте извиняться и благодарить меня! – И девушка просительно-ласково взглянула на него.

- Скажу я это или не скажу, а факт остается фактом....

- Ну, хорошо, - перебила его Назенин, - скажите лучше, почему вы не приходили? Не случилось ли чего?

- Немного приболел...

- Вот видите, значит, мы не напрасно тревожились. – Назенин сочувственно посмотрела на Мустафу.

Они уже стояли на троллейбусной остановке. Подошел троллейбус. Однако Назенин не спешила сесть. А когда троллейбус отошел, она сказала Мустафе:

- Сегодня вечером Алимуса пойдет к своему двоюродному брату, чтобы справиться о вас. Он заведует магазином у вас там, на Нефтяных Камнях. Наверно, вы его знаете?

- Его не Мустафой зовут?

- Да, он ваш тезка.

- Вряд ли найдется такой, кто бы его не знал. - И Мустафа усмехнулся. – Представьте себе немного постаревшего Алимусу – и получится его братец.

- Чем-то вам, видно, не угодил Алимуса.

- Нет, почему же.... Просто я хотел, чтобы вы представили себе его двоюродного брата. Но дома Алимуса его не застанет. Он там, на Камнях. Кстати, перед отъездом я купил у него одну штуку. Не знаю, подойдет ли, угожу ли девушке. Хотел с вами посоветоваться. – И, развернув сверток, Мустафа спросил: - Посмотрите, хорошая шаль?

- Не разворачивайте больше. Я видела эти шали. Это китайская шаль. Настоящая шерсть. Я хотела купить такую, но не нашла. А там, интересно, они еще есть?

- Много.

- Если я дам вам деньги, купите мне?

- Почему же не купить. Но лучше возьмите эту. А я на обратном пути еще куплю. Спешить некуда....

- Нет, нет, эту я не возьму. Не могу я брать чужую вещь.

- Ведь я купил ее с тем условием, что верну обратно, если вам не понравится. Без вашего совета я не могу решиться на такую покупку. А раз вы считаете, что она хороша, я куплю еще одну.

- Ну, если так, пусть будет по-вашему. Деньги я вам отдам завтра. И за кольцо я должна вам вернуть сдачу. Три рубля пятьдесят копеек. Шаль стоит, кажется, девять рублей?

- Да, но вы можете не торопиться.

- Это уже слишком. Если так, я вообще не возьму.

- Вы меня не поняли, простите! – как бы сдаваясь, он поднял руки.

Назенин удовлетворенно посмотрела на него. Взгляд ее, скользнув по лицу Мустафы, на секунду задержался на его носе, и она невольно улыбнулась. «Ах, Алимуса, едва ли кто-нибудь станет так преувеличивать, как он. Едва ли».

* * *

С каждым приходом Мустафы в город к свадебным подаркам добавлялись все новые и новые вещи: часы «Заря», бирюзовое колечко и еще всякие мелочи. И конечно же ни одна покупка не обходилась без Назенин. Она покорно ходила и смотрела, и, если одобряла, Мустафа покупал.

Между ними возникли такие теплые, такие искренние отношения, что Мустафе захотелось рассказать ей о своей жизни. Узнав о его раннем сиротстве, она прониклась к нему еще большей симпатией. Потом и она ему рассказывала о своем житье-бытье.

У Назенин родители были живы. Мать работала на хлебозаводе. Отец был заведующим маленькой сапожной мастерской. Он тоже хлебнул горя на войне. В конце сорок второго года вернулся из госпиталя без ноги. Назенин была первым ребенком. Родилась в декабре сорок третьего.

Два года назад Назенин кончила школу и подала документы на восточный факультет университета. Ей не повезло. Она не прошла по конкурсу. Тогда-то и поступила работать в магазин. Решила за зиму подготовиться к экзаменам. Но заболела мать. Заниматься не было времени. Она и документы не стала подавать.

А теперь ей советуют поступать на экономический факультет университета. Причем на заочный, чтобы и работать, и учиться. Она решила, что это, пожалуй, правильно. «Раз уж стал мельником, зови людей, пусть несут зерно...»

С каждым приездом Мустафы Назенин все больше привязывалась к нему. И пугалась этого. «Я все время о нем думаю. Ни на миг мысли о нем не отпускают меня. Но стоит мне его увидеть, я до того теряюсь, что даже руки и ноги дрожат. Может быть, я его люблю.... Может быть...»

Назенин напрасно утомляла себя этими «может быть...». Она боялась признаться себе, что любит Мустафу. И, однажды признавшись в этом, пришла в ужас:

«Нет, нет! Не может этого быть. Не желаю, не хочу посягать на чужое счастье! Я презираю, я проклиная таких людей!... Тихо, не кипятись, не проклиная себя, наберись терпения, обдумай все с самого начала и посмотри, виновата ли ты в чем-нибудь. Да, виновата. И нечего тут обдумывать. Он пришел и попросил меня помочь ему. Это так естественно. Он же не просил меня влюбляться в него. Он же не говорил, чтобы я не отводила глаз от дверей в ожидании его прихода. Он не приказывал мне мучиться, тосковать, страдать! Не говорил, не просил, не приказывал. Так чего же тут обдумывать все с самого начала?»

С этого дня душевные сомнения стали одолевать бедную Назенин. И дома, и на работе, и в троллейбусе, и читая книгу, и разговаривая с людьми, и даже во сне не могла назенин освободиться от мучивших ее мыслей. Она вела сама с собой нескончаемый спор.

«В какую историю я попала.... А могу я жить без него? Почему молчишь? Ну, зачем я с ним встретила? Что это все значит? Кажется, и теперь я себя обманываю. О ужас, что, что я больше всего ненавидела в жизни, - зариться на чужое, - случилось со мной. Над другими смеялась, презирала их, а сама... Нет, я сумею взять себя в руки. Отнимать у других счастье – таким, как я, не дано. Вот увижу Мустафу, скажу, пусть больше не приходит. Язык у меня, слава богу, хорошо подвешен. Сказать вроде бы все легко. И скажу.... Сумею ли?»

Мустафа недавно уехал. Через неделю он вернется. Семь дней. Каждый день Назенин придумывала что-нибудь новое. И продолжала спор с собой.

«Сказать – не сказать? Прогнать Мустафу – не прогонять. Вырвать из чьих-то рук счастье?... Чужое счастье! Что я прицепилась к этим словам? Будто Мустафа уже припал к моим ногам и умоляет выйти за него замуж. А я в сомнениях: выходить – не выходить? Странные создания мы, девушки. Недаром говорят: парень и понятия не имеет, что у девушки в доме к свадьбе готовятся... Погоди, погоди, остановись... Сначала все шло, как ты говорила. А потом.... Чувства вряд ли меня обманывают – потом Мустафа уже был не тот Мустафа.... То есть, ты хочешь сказать, что он забыл свою невесту, потянулся к тебе? А разве так не бывает? Поначалу я думала, что так не может быть. А потом.... Что потом? Много чего было потом. Ну хотя бы то, что он ревнует меня к Алимусе. Ой, слушай, стыдно, не возводи напраслину на человека. И вовсе не напраслина! Он даже не может скрыть свою неприязнь к Алимусе. Однажды он как бы между прочим спросил, холостяк мой сослуживец или семейный? И я так это быстро: «Женат, женат, трое детей». Мустафа вдруг улыбнулся....

Нет, мне кажется, он тоже ко мне привязался. Он меня любит. Ой, Назенин, не очень-то заносись, как бы не упасть...

Но тогда как же понимать его печально-молящие глаза, его слова да и вообще его отношение ко мне. О чем же это говорят? Ведь не безумная же я? Нет, любит. И все. И во всем виновата я. Я!.... Я!.... Я!...».

Перед приездом Мустафы Назенин окончательно потеряла покой. В ее сердце боролись два чувства – хорошее и дурное. Вспомнилась бабушка. Она была для детей главной в доме. Мама на работе, папа на работе. И Назенин показалось, что она явственно слышит голос своей любимой бабушки: «Моя умная внучка, старшая внучка, любимая внучка! Чужой кусок в горле застрянет. На чужой кусок не заглядывайся!»

«Все! Решено! Завтра скажу. Мы не должны больше видеться. Я не могу. Я извелась. И вообще мне надо готовиться к экзаменам. А у меня голова не тем занята. Беру в руки книгу и не понимаю, что читаю».

* * *

- Назенин, что с вами, вы не больны? Почему вы такая грустная?

- Нет, я просто очень устала. Немного голова болит. А про себя подумала: «Хоть бы уж сказать».

- Сегодня я хочу посоветоваться с вами по важному делу. Очень важному.

«Надо узнать, что он хочет, а потом сказать».

А вслух произнесла:

- Пожалуйста!

Ответ Назенин показался Мустафе необычно сухим, но объяснил он это головной болью.

- Я хочу послать к девушке сватов. И, как всегда, жду от вас совета.

- Странный вы человек! Почему вы об этом спрашиваете меня? Что я могу посоветовать? Я не видела ее никогда, я даже имени ее не знаю...

- Ее зовут Назенин.

- Странно.... И имя у нас одно!...

- Да.

- Так вот. Купить пальто для вашей Назенин я, конечно, могу. Но хочет ли она выйти за вас замуж, я, увы, не могу вам сказать. Об этом надо у вашей Назенин спрашивать.

- Я у нее и спрашиваю.

- Я вас не понимаю!

- Ты, Назенин, ты и есть моя любимая девушка!

Назенин хотела поднести руку ко рту, но Мустафа перехватил ее руку. Она отвела глаза в сторону. Мустафа сжимал ее дрожащие

пальцы. Неожиданно она резко выдернула руку из ладони Мустафы. Он поднял голову, оглянулся и увидел позади себя Алимусу...

Наверно, и Алимуса их увидел, потому что рот у него растянулся до ушей. Вот, оказывается, как он умеет улыбаться. Поравнявшись с ними, Алимуса, даже не поздоровавшись, сказал:

- Послушай, парень, видел я хитрых людей, но таких, как ты, не приходилось встречать. И чего ты мямлил? Зачем ты нас мучил? Ну ладно, на этот раз я тебя прощаю. Но если ты не пригласишь меня на свадьбу, то, ей-богу, никакими хитростями ты от меня не отделаешься.

Алимуса не стал больше задерживаться и, смеясь, пошел своей дорогой.

Назенин и Мустафа застыли от растерянности. И не сразу Мустафа нашелся с ответом. Тихо, так тихо, что слова его могла услышать только Назенин, он сказал:

- Ай, Алимуса! С тех пор как я хожу к вам в магазин, ни единого шага мне не удастся сделать без твоего участия. Разве на свадьбе мы сможем обойтись без тебя?

1962

ИМЯ

(Из цикла «Отцовские думы»)

Собралось множество гостей – и все родственники и знакомые. Обе бабушки пожелали дать имя первому внуку в торжественной обстановке.

После долгого застолья, после игр и танцев заговорили, кажется, о главном. И сразу возник спор. Бабушка и тетя с материнской стороны предлагали одно имя, бабушка и тетя по отцу – другое, дед и дядя по материнской линии – третье. Все имена громко обсуждались. Каждая сторона в каждом имени находила какой-нибудь недостаток. Одних не устраивало, что имя звучит плохо, другим не нравилось, что имя трудно выговаривается, третьи считали то или иное имя «не модным».

Лишь хозяин дома, то есть, дед младенца по отцу, не принимал участия в споре. Он стоял в стороне и слушал. Это не ускользнуло от внимания бабушки с материнской стороны. Она быстро смекнула: если ей удастся привлечь на свою сторону деда Мурсала, можно выиграть спор. А потому, не желая упускать такого случая, поспешила обратиться к нему:

- А почему ты, брат Мурсал, ничего не скажешь? Это никуда не годится!... Скажи и ты, какое имя тебе по душе, а какое нет. Вкусу твоему я всегда доверяла и соглашусь с тобой, как говорится, с закрытыми глазами. Ну, говори же, избавь нас от треволнений...

Сначала Мурсал посмотрел на обратившуюся к нему бабушку, потом перевел взгляд на свою жену и задумчиво заговорил:

- Вот слушаю я вас, дорогие мои, и думаю. Напрасно вы спорите. Хорошо сказал по этому поводу один поэт. Имя, сказал он, которое мы даем ребенку, это условность. Оно нужно только для того, чтобы не перепутать детей. Ну, скажем, зовем мы своего сына – так чтобы не отозвался другой. А ведь настоящее имя наш малыш создаст себе сам. Когда вырастет... - Мурсал умолк и, оглядев печальным взглядом собравшихся, внимательно посмотрел на своего сына Аждара. – Да, да, - заговорил он снова и сам удивился прозвучавшей в голосе дрожи. – Настоящее имя создает себе он сам. Он заслужит его своей работой, своими способностями, всей своей жизнью. Это и станет его подлинным именем!

Все знали, что Мурсал просто так ничего не говорит. Было ясно, что слова его обращены к кому-то из собравшихся здесь. Но к кому? Многие поняли к кому. И Мурсал это почувствовал, когда окинул взглядом сидящих перед ним людей. Его мясистое лицо покраснело, на лбу выступила испарина. У него зарябило в глазах от перемигиваний, от гримас, от беззвучных знаков, от взглядов, перебегающих с его лица на лицо Аждара.

Аждару некуда было уклониться от этих устремленных на него взглядов. Он растерялся и посмотрел на отца. Что с ним случилось? Он какой-то другой. Не такой, как всегда. Как он изменился в одно мгновение!

Впервые в жизни Аждар вошел в положение своего отца и даже посочувствовал ему. Да, посочувствовал. И ему вдруг показалось, что у него обострилось зрение, что он осознал сегодня, вот сейчас, то, чего никогда не осознавал. Он услышал где-то в себе властный, повелительный, но исполненный добра и благожелательности голос:

«Настоящее имя создает человек себе сам...!»

Слова эти встряхнули его, пробудили от сна, и Аждар понял, что наступила новая пора жизни – он стал отцом. Он сам отец.

«Сын мой! Ты заставил заговорить моего скромного, обычно молчаливого отца. Это ты заставил его сказать мне, что я из себя представляю. И за это я благодарен тебе!»

Покрасневшее лицо отца, капельки пота, выступившие у него на лбу, стояли перед глазами Аждара...

«Отец, дорогой! Ведь из-за меня ты обливаешься потом! Но твои слова раскрыли мне глаза на меня самого...»

Оглушительный смех, раздавшийся у самого уха, оторвал Аждара от его дум. Он огляделся. Все шло своим чередом. Отец присоединился к гостям. Когда глаза их встретились, он понял, что отец сделал это просто из приличия. И Аждару это было приятно. К чему портить настроение другим.

Последовав примеру отца, он тоже присоединился к гостям, стараясь казаться довольным и веселым.

Внучонок же переходил с рук одной бабушки к другой. Подобие его улыбки вызывало у них бурную радость.

И снова ели, и снова пили, и снова пели. А когда веселые и довольные гости разошлись, хозяева легли спать.

Лишь двоим в эту ночь было не по себе: деду Мурсалу и отцу Аждару.

Когда Мурсал вспоминал, как опешил его сын и перед глазами вставало его расстроенное лицо, Мурсала начинали донимать противоречивые чувства. То он считал, что поступил правильно, то

думал – неправильно. Правильно потому, что рано или поздно он должен был объяснить сыну, что его сегодняшняя жизнь заслуживает всяческого осуждения. Но хотя слова его и были справедливы, он не должен был высказывать их в этот знаменательный день, в присутствии гостей. Это неправильно. Он не должен был отравлять ему сладость самых дорогих минут его жизни. Можно ведь было подождать и до утра. Сели бы вдвоем и поговорили бы по душам. И даже если бы он в пять раз больше сказал, не было бы Аждару так обидно. И Мурсал не ворочался бы сейчас с боку на бок, томясь от бесконечницы.

Аждар тоже всю ночь не сомкнул глаз. Он метался, как попавшая в силки птица:

«Кто я? Что я собой представляю? Иждивенец! Тысячи надежд возлагали на меня родители. Растили. Учили. Радовались получению диплома. Диплом врача! А дальше? Женился. Стал отцом семейства. И теперь на шее отца и сам я, и моя жена, и мой ребенок. Даже когда я зову жену в кино, отец незаметно кладет мне в карман деньги...

Почему я не работаю? Потому что получил назначение в деревню. Почему же я не поехал? Мать не отпустила сыночка в захолустье! А я обязан был поехать и засучив рукава трудиться, лечить людей. Испугался маминых слез? Она не перенесет разлуки с единственным сыном? Все это чепуха! Да разве настоящий мужчина станет держаться за мамину юбку? Оказывается, и так бывает. Ведь я же держусь... Как стыдно, боже, как стыдно!»

Плач младенца оторвал Аждара от его мыслей. Сначала он хотел растолкать жену и сказать, как всегда: «Вставай, успокой его, моего наследника, сунь ему грудь, пусть умолкает. Ну, вставай же!»

Но на этот раз Аждар не разбудил жену, а встал сам. Покачал коляску, и малыш, словно только этого и ждал, сразу притих, закрыл глазки и заснул.

Но едва Аждар улегся в постель, как тяжкие думы снова навалились на него:

«Что и говорить, отец – терпеливый человек. Его давно возмущало мое поведение. У него болела душа, но он ждал, надеясь, что я сам осознаю свою ошибку. А я, толстокожий олух, и в ус не дул. Маму не хотел расстраивать. Ну, расстроилась бы. Она же не одна остается....»

Тут жена повернулась в постели. Полуоткрытыми глазами глянула на него. Сонно пробормотала:

- Аждар... Мой Аждар...

И сразу Аждар услышал ее посапывание. Он так любил и это посапывание, и бормотание сквозь сон. Но в эту ночь все ему было немило.

«Аждар... Мой Аждар... Полюбуйтесь на ее Аждара. Стал семьянином и посадил отцу на шею свою семью. Эх, бедный отец, интересно знать, о чем только ты мечтал, давая мне это имя? Какие надежды питал, давая мне это имя? Какие надежды питал? Шутка ли, назвать сына Аждаром. Ведь это значит – мужественный, сильный! Но, оказалось-то, имя мое, как ты сегодня сказал, носит до сих пор условный характер. Когда же я создам себе подлинное имя?»

Жена снова что-то пробормотала. Из всей невнятицы Аждар разобрал только: «Ой, мама!» - и раздраженно передразнил жену:

- «Ой, мама, ой, мама!»! Разве не наши мамы связывают нас по рукам и ногам... Лишь бы их чада были всегда рядом...

* * *

Едва забрезжило утро, как Аждар поднялся с покрасневшими от бессоницы глазами и головной болью. Он умылся, оделся и, пройдя в столовую, стал ждать отца. Мурсал немало удивился, увидев сына в такой ранний час.

Аждар встал навстречу отцу и, после взаимных приветствий, выпалил:

- Отец, я уезжаю!

- Куда, сын мой?

- В деревню. Туда, куда получил назначение и до сих пор не удосужился отправиться. К больным еду, которые ждут меня. Но прошу тебя, отец, поговори с матерью сам, не позволяй ей поднимать крик на всю улицу.

- Об этом не беспокойся. Я постараюсь, я сумею утешить ее.

- И еще, отец... - Аждар замялся. И, немного смущаясь, добавил: - Невестка и твой внук пока пусть поживут здесь. Как только она кончит институт, ей дадут назначение по моему месту работы... Месяцев восемь придется нам пожить врозь.

- Сын мой, и все это ты обмозговал за одну ночь? – со свойственной ему шутливой интонацией спросил Мурсал.

Аждар не принял шутливого тона отца и не заметил его приподнятого настроения. Он серьезно ответил:

- Да, отец. Именно за сегодняшнюю ночь я все обдумал. Чтобы никогда больше не конфузить тебя перед людьми. Не пора ли мне приобрести настоящее имя? Конечно, я поздно спохватился, но ты, отец, надеюсь, мне это простишь.

Глаза Мурсала увлажнились. Он встал, обнял Аждара и поцеловал его в лоб. С трудом переводя дыхание, он крепко пожал ему руку и медленно проговорил:

- Счастливого пути, сын мой, счастливого тебе пути!

1962

СТРОИТЕЛЬ

(ИЗ ЦИКЛА «Отцовские думы»)

Когда я после работы ужинаю и пью чай, мой сын стоит возле меня и ждет. Но, увидев, что стакан отодвинут, он заглядывает мне в лицо и спрашивает, во что мы сегодня будем играть. Честно говоря, наши игры доставляют мне не меньше радости, чем ему. Разумеется, не сама игра меня увлекает, просто я получаю удовольствие от такого вот тесного общения с моим малышом. Чтобы ему было весело, я

придумываю все новые игры или рассказываю интересные истории. Словом, до его отхода ко сну время принадлежит нам.

Ложится мой сын в девять часов. Ни минутой позже. И нарушать этот порядок мы не имеем права, а то мама рассердится. Ведь сын мой еще маленький. В следующем месяце ему исполнится пять лет. А маленьким, как известно, надо побольше спать.

* * *

В этот вечер я вернулся домой очень усталым. Ведь день я провел на промысле у только что пробуренной скважины. Она, как назло, капризничала и не желала поддаваться нашей воле. Все-таки нам удалось одолеть ее. Недели удила, обуздали, и пришлось ей покориться нам. Покорить-то ее мы покорили, но и страшно устали, совсем выбились из сил...

Почему я вдруг завел об этом разговор? Хотел объяснить причину моей усталости, хотел, чтобы вы поняли, что у меня не было настроения да и сил развлекать своего сынишку. Однако и обижать его мне не хотелось. На это, признаться, у меня никогда не хватало решимости.

Я поужинал и прошел из кухни в комнату. Мы с сыном сели за стол, и я предложил ему что-то из нашего, так сказать, старого репертуара. Однако на моего сынишку не произвело это ни малейшего впечатления. Ему хотелось новой, только новой затеи. Правда, словами он этого не выражал, но взгляд его был красноречивее слов.

И огорчение, и обиду, и просьбу, и надежду выражали большие невинные глаза. Ведь когда мой сын еще не умел говорить, только по выражению его глаз я понимал, что ему хочется. Как мне объяснить вам, какую радость я испытывал, когда он смотрел на меня. Я простой нефтяник, и мне трудно подобрать подходящие слова, чтобы выразить переполнявшие меня чувства. Но я надеюсь, что вы и так поймете меня.

Однако не будем удаляться от темы. Размышляя, чем бы занять сына, я машинально придвинул к себе стоявшую на столе коробку с домино. Так же машинально я высыпал на стол блестящие плиточки и

начал, опять-таки машинально, укладывать их одна на другую. У меня вообще такая привычка: когда я думаю над чем-нибудь. Мои руки непременно действуют. Так вот, когда я пристроил последнюю костяшку, передо мной на столе уже возвышалась целая башня. И взгляд моего сына был устремлен на это сооружение.

- Тебе нравится? – спросил я.

- Очень, папа, очень!... – и он в восхищении захлопал в ладоши. Потом задумался и спросил: - Папочка, а если я вдруг разрушу, что тогда?

- Я снова построю!

Сын мой ударил указательным пальцем по моему сооружению – и оно рухнуло за какую-то долю секунды. Плиточки рассыпались по столу, попадали по столу, попадали на пол, меж тем как... меж тем как на то, чтобы построить эту башню, потребовалась отнюдь не одна секунда.

Мальчонка подобрал упавшие на пол костяшки, и я снова принялся строить.

И снова перед нами выросла башня. И сын мой снова разрушил ее.

Я опять построил и стал ждать, когда сын ударит пальцем по костяшкам. Но было похоже, что у него отпала охота разрушать. Он думал о чем-то. Взгляд его выражал недетскую сосредоточенность.

- Ну, что случилось, - спросил я, - почему ты вдруг остановился?

- Не интересно... От одного удара все разваливается. Это легко.

- А тебе хочется, чтобы было трудно?

- Ага, чтоб трудно.

- Ну, в таком случае, садись на мое место и строй сам!

- Давай.

Черные, блестящие костяшки укладывались одна на другую. Рожица моего малыша сияла от радости.

Но и половина костяшек еще не была использована, как здание рухнуло. Улыбка сошла с лица сына, но он не пал духом.

Я постарался объяснить ему, как нужно строить:

- Фундамент, сынок, должен быть заложен правильно, вот поставишь плиточку косо – и кончено, все рухнет!

До чего же внимательно он слушал меня! И уже гораздо увереннее принялся за дело. Почти все плиточки уложил, и вдруг она соскользнула – и вся постройка рассыпалась... Он молча собрал костяшки и снова приступил к работе.

Несколько раз рушилась не построенная до конца башня. Но малыш мой теперь с еще большей охотой и упорством брался за дело. Это несказанно радовало меня. «Молодчина. Конечно, строить, созидать, творить трудно. Разрушать куда легче. Но ты старайся, мой мальчик, будь упорным».

Мне хотелось сказать ему эти слова. Но я молчал. Мал он еще. Станет старше, сам поймет. Поймет ли?

Хоть бы понял!

1961

ИСТИННАЯ ПРАВДА

Агарза не на шутку рассердился на своего шестилетнего сына Бахмана и постарался втолковать ему, что говорить неправду нехорошо, что нельзя быть лгунишкой. И мальчик запомнил слова отца и пообещал всегда говорить только правду.

У Агарзы был друг. Звали его Джумшуд. Они выросли в одном квартале. Вместе учились. И теперь вместе работали. Правда, Джумшуд занимал более высокую должность, но к делу это не имеет отношения. Во всяком случае, Джумшуд не придавал этому никакого значения. Но Агарза...

Не так давно Джумшуд купил себе «Волгу». Все сотрудники поздравляли его. Когда Агарза, осклабясь, подошел пожать другу руку, он и сам удивился собственным мыслям: «Ко всему еще и «Волга». Эх, невезучий я! Удар за ударом».

* * *

У окон дома Агарзы послышался шум остановившейся машины. Потом раздался стук в дверь.

Агарза кинулся отворять и, увидев Джумшуда с женой, пришел, казалось, в неопиcуемый восторг.

- О, как я рад вас видеть, дорогие гости! Эй! Гюльхатун, посмотри, кто к нам пожаловал!

Гюльхатун выбежала на крик мужа и приветливо поздоровалась с гостями.

Сели за стол. Был подан крепкий чай и всякие сладости. Ели, пили, разговаривали. Говорили и о работе, и о дружбе, и об искренности. Когда зашел разговор об искренности, Агарза буквально никому не давал рта раскрыть.

- Я признаю только искренние отношения! – восклицал он. – Если ты искренен, и дружба, и любовь, все будет на своих местах. Душу свою готов отдать за искренность, за сердечность!

Много добрых слов услышали гости. А когда они собрались домой. Агарза взмогнулся:

- Ради самого Аллаха, посидите еще немного. Клянусь жизнью своего единственного, - и он кивнул на сидевшего возле Джумшуда Бахмана, - вы для меня дороже всего и всех! – и Агарза, повернувшись к жене друга, торжественно произнес: - Мы с Джумшудом дружим с самого детства. Говорят, друзья завидуют друг другу! Нет! Пустые, напрасные слова. Видя, как растет Джумшуд, я не знаю, что делать от радости. Чем выше он поднимается, тем счастливее я себя чувствую. Если в словах моих есть хоть доля неправды, пусть покарает меня джейнамаз моей матери:

Мать Агарзы давно приказала долго жить, и кто знает, куда девался ее молитвенный коврик. Однако Агарза, надо или не надо, в подобных случаях вспоминал его.

Не успели гости выйти за дверь, как Агарза завел иные речи. Словно мутный селевой поток, он сокрушал на своем пути все валы и плотины:

- Ну вот видишь, жена, что это за тип! Выскочка! А теперь еще тычет мне в нос свою «Волгу». Да смотри, как кичится, фасонит, дает, видишь ли, гудок под окнами! С детства я терпеть не мог эту его манеру! Подумай только, чего он достиг! Еще бы, умеет подхалимничать и хватать за полы нужных людей.

С пеной у рта доказывал своей жене Агарза, как ничтожен Джумшуд. Он швырял его оземь, стараясь растоптать все, что было в его друге хорошего.

Когда он наконец выговорился и немного успокоился, Гюльхатун сказала:

- Послушай, Агарза, забудем все, что ты сейчас наговорил. Но зачем ты клялся жизнью нашего ребенка. Тебе не стыдно?

- Эх, жена, жена, ды ты, оказывается, сущая невежда... Разве я серьезно клялся жизнью сына? Так себе, болтал кончиком языка. В культурном мире это называется дипломатией!... Поняла? Пора бы тебе знать такие вещи.

- Послушай, у меня к тебе еще одна просьба.

- Что же еще, моя милая?

- Не тревожь, пожалуйста, память своей покойной матери. Пускай бедняжка, хоть в могиле спит спокойно...

* * *

Недели через две Джумшуд с женой снова завернул к Агарзе. И снова Агарза проявил то же гостеприимство, и снова полились те же сладкие речи.

Бахман был у соседей. А когда пришел домой и увидел Джумшуда, растерялся. Как человек, заблудившийся в лесной чаще, он на мгновение застыл в дверях, потом засуетился и снова замер, опустив голову. Неожиданное поведение сына смутило Агарзу, и он поспешил выпутаться из создавшегося положения:

- Сынок, ты почему не здороваешься с дядей Джумшудом?

Не поднимая головы, Бахман тихо, но отчетливо произнес:

- Дядя Джумшуд – плохой дядя... Он выскочка...

- Молчать негодник! Где ты слышал такие слова? – у Агарзы тряслись губы.

Бахман хоть и робко, но ответил:

- От тебя, папа... Помнишь тогда, когда дядя Джумшуд ушел, ты сам сказал... Ты еще много тогда говорил... Я вот не помню.... Да ты еще сказал, что он нарочно пофасонить приехал на своей «Волге»...

Агарза выкатил на сына глаза и, кусая губы, то бледнел, то краснел. Даже Гюльханум было неловко на него смотреть, не то что гостям. Сделав знак жене, Джумшуд поднялся и не спеша направился к выходу. Агарза засуетился, забежал вперед и преградил Джумшуду дорогу:

- Послушай, друг, мало ли что может сказать ребенок, он же глупый. Не обращай внимания!

- Значит, не обращать внимания на слова ребенка? А как быть с твоим двуличием, с твоей завистью? Тоже не обращать внимания? Что ты на это скажешь, поборник искренности и справедливости?

Агарза ромко глотнул. Мускулы на его лице задергались:

- Клянусь жизнью своего...

- Пожалей своего ребенка! Во-первых, перестань клясться его жизнью. Во-вторых, не калечь его своим воспитанием.

- Клянусь Аллахом, ничего...

- Послушай, брось ты наконец свои клятвы! Образуясь, выбрось из головы всякий мусор, перестань заниматься сплетнями и пересудами, лучше что-нибудь почитай, больше пользы будет...

- Клянусь...

Дверь сильно хлопнула.

Агарза кинулся к Бахраму. Мальчик попятился от испуга. Агарза настиг его в дальнем углу комнаты и с силой дернул за ухо. Бахман заплакал. От боли, от обиды, от страха он вобрал голову в плечи, съежился, став совсем маленьким, и жалобно проговорил:

- За что, па... Ты сам велел... Я ведь сказал правду, а ты бьешь...

1960

НАЗОВИТЕ САМИ

(ИЗ ЦИКЛА «В ОДИН ИЗ ДНЕЙ...»)

Прошла уже добрая половина зимы. Снег еще не выпадал, что для жителей Баку не в новинку, зато холода стояли настоящие. Пронзительный ветер, словно раздавая пощечины, хлестал людей по лицу и проносился мимо...

На троллейбусной остановке было довольно многолюдно. Впрочем, когда здесь бывает мало народу! Один юноша привлек мое внимание. Его обнаженная голова отдавала блеском только что политого асфальта. Чем-то он, наверно, смазал волосы. Даже определенно смазал. На нем были голубые, очень узкие брюки. Черные остроносые туфли не уступали в своем блеске напомаженным волосам. Холод, видно, пробирал его, и он поднял узенький воротник своего короткого, пепельно-серого пальто.

Рядом со мной стояли две уже немолодые женщины. Они тоже смотрели на юношу. Та, что постарше, повернулась к соседке и, не скрывая раздражения, сказала:

- Вы только посмотрите на этого посиневшего стилиягу! Фасонит, не надевает шляпу, а почему? Чтобы не испортить прическу. Полюбуйтесь, как он сжался, ведь на свернувшегося ежа похож.

- Да будь они неладны, эти вертуны! – охотно откликнулась вторая женщина. – Расхаживают по такой погоде с непокрытой головой, модничают, а потом обчихают весь троллейбус. Ведь из-за них и грипп по городу гуляет. И сами неделю, а то и больше на больничном сидят. С нами по соседству тоже такой живет. Перед сном натягивает на голову материнский капроновый чулок, чтобы, как вы сказали, не испортить прическу. Мать целыми днями ворчит, что сын все петли на чулках спустил. А попробуйте ему что-нибудь сказать, он так на вас посмотрит, даже и ответом не удостоит. Чего, мол, с вами разговаривать. Ведь он культурным себя считает, а нас ни во что не ставит.

- Нечего сказать, хорошая культура! В теплой комнате спать в натянутом на голову капроновом чулке, а утром в холод и вьюгу разгуливать по городу с непокрытой головой. Может, и правда мы чего-то не понимаем?

Подошел троллейбус. Молодой человек с непокрытой головой ухитрился чуть ли не первым влезть в него. Во всяком случае, раньше пожилых женщин.

Едва троллейбус тронулся, как его сильно потрянуло. Ну, и как водится, кто-то кого-то толкнул, кто-то кому-то наступил на ногу. Юноше с непокрытой головой тоже не повезло. Впереди стоявшая девушка наступила на ногу именно ему. На ее поспешное извинение он буркнул что-то неопределенное. А может быть, я не расслышал из-за шума в троллейбусе. Теперь мы стояли рядом. Молодой человек то и дело бросал взгляд на свои туфли. Посмотрел и я. На правой стороне правой туфли девушка оставила след каблучка.

Тут освободилось сразу два места. Рядом. Одно из них занял он. Другое я. Едва он сел, взгляд его снова устремился на туфли. Но вот он поднял голову, огляделся по сторонам и, удостоверившись в том, что никто не обращает на него внимания, поспешно вынул из кармана аккуратно сложенный белоснежный платок и, нагнувшись, в одно мгновение стер пятно. И тотчас лицо его ожило. С облегчением вздохнув, он хотел было положить носовой платок в карман, но кончик носа у него задрожал, и громкое троекратное «апчихи» раздалось на весь

троллейбус. Платком, что был у него в руке, он вытер нос и, аккуратно сложив его, положил в карман. Не прошло и минуты, как он снова чихнул, и снова вынул тот же платок, и снова вытер нос. На остановке он вышел из троллейбуса.

Не сделав и трех шагов, он закашлялся и сплюнул на подметенный, чистый асфальт, едва не угодив в проходившую мимо женщину. Женщина остановилась, укоризненно посмотрела на парня и указала ему на белеющую невдалеке урну. Молодой человек поглядел на урну, пожал плечами, бессмысленно ухмыльнулся и, вытерев все тем же платком рот, пошел своей дорогой.

Я долго еще смотрел на него в окно. Сам не знаю, зачем я смотрел...

А теперь вот описал то, что увидел однажды в середине зимы. Но никак не назвал свой рассказ. Дорогие читатели, назовите его сами.

1960

ПРИВЕТ

Я шел по коридору к аудитории, в которой должен был принимать экзамены у студентов-заочников. Ко мне подошла девушка и смущенно проговорила:

- Здравствуйте...

- Здравствуйте, здравствуйте. Ну как, к экзамену готовы?

Она застеснялась, пожала плечами и тихо сказала:

- Доктор Муртуз Агаларов просил передать вам привет. Я его сестра, Бирджа Агаларова.

- Спасибо и ему, и вам. Давненько мы с ним не виделись. Передайте и ему привет. Как он себя чувствует?

- Спасибо! Отлично. – И девушка вздохнула с таким облегчением, будто свалила с плеч тяжелую ношу.

Опередив меня, она побежала к аудитории.

Муртуз Агаларов – мой давний знакомый. Три последних года мы вместе учились в школе. Потом пути наши разошлись. Он стал врачом. Я - преподавателем. Хотя встречались мы редко, от случая к случаю, но отношения у нас сохранились хорошие. Поэтому не скрою, я обрадовался его привету и даже подумал – вот ведь не забывает старого друга, воспользовался случаем, чтобы передать привет. Это всякому приятно. Так что в самом прекрасном настроении я вошел в аудиторию. Но во время экзамена настроение у меня довольно быстро испортилось. Некоторые студенты настолько плохо подготовились, что провалились. Это и рассердило меня.

* * *

Примерно недели через две я встретил на улице своего приятеля Муртуза Агаларова. Он хотя и остановился, но поздоровался со мной весьма холодно. Лучше бы вовсе не останавливался. Я удивился. Что это могло значить? Я собрался было спросить его, но он меня опередил:

- Послушай, ты что же это, и приветов от простых смертных не принимаешь! Ну что ж, бывает и так. Один далеко пошел, звание имеет, а другой... Такова жизнь!

Эти ироничеки брошенные упреки не на шутку расстроили меня, и я поспешил спросить:

- О чем ты? Разве я пренебрег твоим приветом, разве я кичился своим званием?

- Будто и не знаешь! – И Муртуз, не скрывая раздражения, задрал нос, вроде бы передразнивая меня.

- Нет, решительно не понимаю и не знаю, что ты имеешь в виду.

- Отлично знаешь! Вспомни день экзамена. Я говорю о приветке, переданном тебе от меня сестрой.

- Я обрадовался, что ты вспомнил меня, и сам передал тебе привет. Твоя сестра ведь не станет отрицать этого!

- Ты не принял, ты пренебрег моим приветом! – раздраженно произнес Муртуз. – Если бы... Эх, что говорить... - И, махнув рукой, он отошел от меня.

Смысл его слов только теперь дошел до меня: «Если бы не пренебрег, не завалил бы мою сестру».

Что делать, мой старый друг серьезно обиделся на меня. Да, я, оказывается, не понимал, какое значение вложил Муртуз в такое простое, хорошее, сокровенное слово – «привет». Теперь стоит мне встретить кого-нибудь из друзей вроде Муртуза, непременно услышу: «Он у нас приветов не принимает!».

1960

ЗАВИСТЬ

Старый Азиз доживал свой век... О человеке в таких годах обычно говорят: он уже одной ногой в могиле.

Старость рано постучалась к нему в дверь. Глаза давно потускнели и потеряли былую зоркость. Зима приютилась не только в его шевелюру, но забралась и в брови. Дрожали ноги и руки. А когда это началось, он уже и сам не помнил.

Был он когда-то прямой, высокого роста. Однако его прямой стан постепенно начал сгибаться, и весь он вроде бы уменьшился в размерах. Азиз, привыкший высоко нести голову, теперь не знал, кому пожаловаться на свою согбенную спину, не говоря уже об общем недомогании.

Старый Азиз доживал свой век в одиночестве.

В молодости, да в зрелые годы его это нисколько не тревожило. Наоборот, он был доволен, что может распоряжаться собой и своим временем как его душе угодно.

«Один рот – одна забота», - говорили о нем его друзья и сослуживцы. «Эх, тебе-то что, - не раз слышал он, - о жене забот не имеешь, за детей душой не болеешь, мчишь себе на коне необузданных страстей, мчишь куда вздумается». И хотя эти слова

зачастую говорились с упреком, он пропускал их мимо ушей, потому что тот самый конь был еще силен и горяч.

А теперь?...

О том, почему старый Азиз не женился и остался холостяком, ходили разные суждения. Одни говорили, что он боится потерять свободу, что ему милее жить вольным орлом. Другие считали, что он бы ни с кем не смог ужиться и, зная свой трудный нрав, отказался от мысли о женитьбе. Третьи рассказывали какую-то историю о несчастной любви. Будто юный Азиз был безумно влюблен в очаровательную девушку и будто она отвечала ему взаимностью. Но неожиданно бросила Азиза и вышла замуж за другого. С тех пор Азиз будто бы возненавидел всех женщин.

Может быть, ничего подобного и не было в жизни Азиза. Может быть, он сам придумал такую красивую историю, чтобы объяснить, почему остался холостяком. Этого мы не знаем. Зато мы знаем, что он вдоволь наслаждался холостяцкой жизнью, не гнушался близостью со многими женщинами, но едва разговор касался брака, как он исчезал.

А теперь?...

Теперь, когда ему приходилось идти на кладбище, он шел, буквально стиснув зубы. В домах, где был траур, он старался показываться как можно реже.

Но вот скончался близкий друг. Не пойти на похороны друга невозможно...

После этой невыносимо тягостной процедуры старый Азиз брел по узкой тропинке меж могил, низко опустив голову. Внезапно громкий плач прервал кладбищенскую тишину. Старый Азиз вздрогнул и остановился. Две молодые женщины, припав к потемневшему от сырости камню, безутешно рыдали. Они не чувствовали холодного, пронизывающего ветра. Они не замечали, что песок и глина прилипли к их одежде. Они взывали к давно умершему отцу, ничего не видя вокруг.

Над ними возвышалась скорбная фигура пожилой женщины. Ее голоса не было слышно. Она плакала беззвучно. Ее застывшее в печали лицо не было мокрым от слез. Казалось, прячась от постороннего взгляда, слезы не выплескивались наружу, они оставались в ней, проникая в самое сердце.

Двое молодых людей, наверно мужья дочерей, стояли рядом в строгой задумчивости. Порой они склонялись к молодым женщинам, увещевали их, пытались поднять с земли. Но им это не удавалось. Те плакали, осыпая поцелуями холодную могильную плиту.

Азиз смотрел на них как замороженный, не в силах сдвинуться с места. Мысли – одна другой горще – проносились у него в голове. Но самая горькая, самая страшная острой болью влилась ему в душу!

Кто придет на его могилу?...

Те нарядные красавицы, с которыми он проводил отпуск в Сочи, в Ялте, в Кисловодске или встречался во время командировок в больших и малых городах, не жалея денег на рестораны, не станут искать его могилу, они просто не вспомнят о нем...

Озноб прошиб старого Азиза. Ужас обуял его. И он понял, отчетливо понял, что завидует лежащему под этим серым камнем покойнику. Да, завидует!

Пусть вас не удивляет, что живой завидовал мертвому. Ведь мертвый жив в своих детях, жив в памяти своей жены, а живой ощущает холод смерти при жизни. Вот что означает одиночество!

Азиз сделал какое-то невольное движение к могиле, к окружавшим ее людям. Ему хотелось поделиться с кем-нибудь своей печалью. Нет, не просто поделиться, а во всеуслышание кричать о своем одиночестве, о своей непоправимой беде. Но продолжавшиеся рыдания остановили его. И ему даже показалось, что неподвижно стоявшая в изголовье могилы вдова, и ее дочери, взывавшие к мертвому отцу, и их мужья посмотрели на него с отчужденным презрением.

Опустив голову, старый Азиз побрел своей дорожкой.

- У нас гости. Ждем тебя, - сообщила жена, едва я переступил порог.

Я даже не спросил, кто у нас, и поспешил за ней в гостиную. До чего же я обрадовался, увидев свою свояченицу и ее мужа. Мы долго жали друг другу руки.

Редко мы стали видеться. Все работаем, все заняты, у всех куча дел. Во время отпуска не удастся встретиться – разъезжаемся кто куда.

Муж моей свояченицы – инженер-строитель. О нем все и всегда говорят уважительно. А она врач, притом – хороший врач и человек сердечный, приветливый. Все люди, которые с ней сталкиваются, относятся к ней с симпатией и доверием.

Не стану утомлять вас перечислением добродетелей своих родственников, скажу только, что на этот раз неожиданные гости оказались для меня неожиданной радостью.

Мы сели друг против друга, и я, окликнув своего сына, попросил принести мне папиросы.

- Папа, я не могу, - послышался позади меня его голос, - мне мама не разрешает.

Я оглянулся. Рамиз мой стоял в углу, вытянувшись по стойке «смирно». Конечно, я понял, что он напроказничал. Жена положила передо мной папиросы и сказала:

- Не разговаривай с ним, я его наказала. Он еще полчаса будет стоять, тогда, может быть, поумнеет.

По правде говоря, я огорчился. Как и все родители, я люблю своего сына. Когда я слышу его голос, когда смотрю на него, я чувствую себя счастливым.

И хотя сейчас мне было его очень жалко, я, естественно, не показал вида – надо воспитывать – серьезно спросил жену:

- Опять что-нибудь натворил?

- Конечно! Он ведь не может без фокусов. Оказывается, он учится и за себя, и за Гюляр. А мы с тобой об этом и знать не знаем.

Гюляр – моя дочка. В этом году она пошла в первый клас. А Рамиз уже в третьем. Вчера Гюляр никак не могла решить какую-то задачу и попросила Рамиза ей помочь. Но, вместо того чтобы объяснить сестренке задачу, он решил ее прямо в тетрадке Гюляр. Естественно, что учительница, проверяя домашнее задание, поняла и вызвала Гюляр к доске, продиктовав ей ту же задачу. Бедная Гюляр не могла ее решить и расплакалась перед всем классом.

- Не плачь, милая, - сказала ей учительница. – Но в следующий раз постарайся решать задачи сама: Когда кто-то другой делает твои уроки, в голове ничего не остается. Ничего! Зато становится стыдно перед товарищами.

Жену расстроил рассказ учительницы, да и меня не порадовало то, что я узнал.

- Конечно, Рамиз виноват, - сказал я. – Очень виноват. Но есть тут и доля вины Гюляр. Ты должна была наказать ее тоже.

- А по-моему, Гюляр не за что наказывать, - вмешался в разговор муж моей свояченицы. – Обратиться за помощью вовсе не зазорно. Это абсолютно нормально. А Рамиз, вместо того чтобы помочь своей сестре, взял да за нее решил задачу. Отделался от сестренки, - называется, успокоил ее.

Тут не выдержала и свояченица.

- А почему же Гюляр успокоилась? На что она надеялась? Зачем она разрешил Рамизу решить задачу прямо в ее тетради? Ведь она-то знала, что по-прежнему ничего не понимает. Конечно, Рамиз больше виноват, но и оправдывать Гюляр я бы не стала.

Эти слова моя свояченица произнесла, глядя на меня. И на губах ее промелькнула улыбка. Я понял, чему она улыбается. Может быть, и вам интересно знать, что скрывается за этой улыбкой? Тогда послушайте...

Словно окутанная во все белое госпитальная палата. Я задумался, уткнувшись лбом в подоконник, - койка моя стояла у окна. Мысли уносили меня в мирные дни.

Что может быть стремительнее человеческой мысли! Воспоминания.... Память.... Мечты.... В одно мгновение мысль может перенести меня в прошлое, вернуть к сегодняшнему дню и с такой же легкостью перебросить в будущее.

Сейчас вспомнилось детство. Нет, не подряд день за днем, а так, выхваченные памятью куски жизни. Моей жизни. Впрочем, не думайте, что я имею в виду что-то значительное или собираюсь поведать вам о чем-то исключительном. Все было на редкость просто. Детство, в общем-то беззаботное. Школа. Тоже ничего примечательного. Университет... Потом война.... Вот и все....

Стоило мне вспомнить студенческие годы, как начинало учащенно биться сердце, а следом наступала расслабленность, ну просто руки опускались. Да, там, в стенах университета, осталось все самое сокровенное. Там я впервые полюбил.

Теплая, ласковая рука, опустившаяся на мое плечо, оторвала меня от многих невеселых дум. Это была рука нашей сестры. В самые печальные, в самые трудные дни и часы она всегда оказывалась возле меня. И в ее участливом взгляде, в ее тихом голосе я находил успокоение.

Мы, раненные, называли ее между собой не сестрой милосердия, а сестрой нашей жизни. И правда, стоило ей появиться в дверях, как палата оживала. С ней вместе к нам в палату входила жизнь.

Откуда в ней, двадцатилетней, было столько доброты, терпеливой ласковости, столько истинного сострадания? Да, природа щедро одарила эту удивительную девушку. Ведь и внешне она была необыкновенно привлекательна. Высокая, белокурая, с нежным овалом лица и проникновенным взглядом больших лаз. Как мы скучали, как мы томились, когда она подолгу не заходила в палату.

Должен признаться, что больше всех, так во всяком случае казалось мне, томился я. Не подумайте, пожалуйста, что я влюбился в эту девушку. Нет! Тянуло меня к ней совсем иное чувство. Всякий раз при взгляде на нее я, казалось, видел лицо той, о которой я только что обмолвился. Мою первую любовь. Да, первую. Нет, единственную.

Так вот, всякий раз меня поражало их сходство. Можно ли до такой степени походить друг на друга?!

Когда она появлялась, я не мог оторвать от нее взгляда, но смотрел как бы сквозь нее, на ту свою далекую подругу, и горькие воспоминания уводили меня в те времена, и я погружался в свои невеселые думы.

Человек умный и чуткий, она не могла не заметить, не почувствовать моего состояния. И она, конечно, все видела и чувствовала. Но не думала ли она, что я влюблен в нее? Я этого боялся, хотя понимал, что у нее есть все основания думать именно так. Однако держалась она естественно и просто, словно ничего не подозревая. Я это объяснял своим незавидным положением – ведь я был тяжело ранен и кроме медицинской помощи нуждался еще и в моральной поддержке. И она обходилась со мной ласково и деликатно.

Так вот молча я и глядел на нее, не открывая ей правды. И она ни о чем не спрашивала. А время шло. Я начал поправляться.

- О чем же ты снова задумался? – тихо похлопывая меня по плечу, однажды спросила она.

- Да так, иногда находит на меня. Задумаюсь – и вдруг мысли уводят куда-то далеко, далеко, - сказал я, не желая раскрывать правду.

- Ты ужасно таинственный человек! Но не думай, пожалуйста, что я ничего не понимаю. Я по твоим глазам вижу, что тебя что-то постоянно мучает. Может быть, тебе легче станет, если ты поделишься со мной...

Тут все ходячие больные окружили ее. Один из них только что получил письмо от своей невесты. Вид у него был счастливый, только

крыльев ему не хватало, чтобы взлететь. Он с гордостью, с открытой душой говорил нам о своей любимой:

- Она ни на минуту не забывает обо мне! Чуть ли не каждый день пишет, спрашивает, когда приеду. Я, говорит, устала смотреть на дорогу... - И неожиданно заключил: - Прямо горе, не знаю, что и делать. Жалко ее...

- Это не горе, а счастье! Если бы я получил такое письмо от своей невесты, я бы пешком зашагал в Баку, - полушутя- полусерьезно сказал я.

- А у тебя есть невеста? – с любопытством спросил тот.

- Нет.

- И ты никогда не любил? – не унимался он.

Я смутился. Сказать «нет» я не мог. А если бы сказал «да», посыпались бы вопросы. И сестра стояла, устремив на меня свой заботливо-внимательный взгляд. Я чувствовал, что ей не меньше, а может быть и больше других, хочется, чтобы я был откровенен.

Сначала я ответил на вопрос вопросом:

- А разве можно найти человека, который бы никогда не любил?
– И, подумав, добавил: - Любил...

- Когда?

- Кого?

- Где?

Посыпавшиеся со всех сторон возгласы, а главное, просьба, прочитанная мною в глазах сестры, вынудили меня заговорить. Я оглядел собравшихся и, глубоко вздохнув, начал:

- Я много раз слышал о любви с первого взгляда. Но мне это казалось чем-то неестественным, странным. Как можно полюбить случайно встретившуюся тебе девушку, да так полюбить, чтобы немислимым казалось завтра не увидеть ее! Чтобы мучиться из-за нее, ночей не спать. Как это вдруг возникает такое чувство? Как это

вдруг ты теряешь покой и сон из-за той, которую вчера еще не знал? Стоит один день не увидеть ее, и ты томишься и не знаешь, куда себя девать. А увидишь – меняешься в лице, то краснеешь, то бледнеешь, хочешь заговорить, и не можешь, забываешь самые обыкновенные слова. Но стоит ей отойти от тебя, и слова все сразу всплывают, которые хотел ей сказать... И ты успокаиваешь себя тем, что уж в следующий раз скажешь ей непременно все, все.

Но вот ты встречаешь ее во второй, в третий, в десятый и уж не знаю, в какой еще раз, и все повторяется снова. Что-то самое важное, самое нужное вылетает из головы... Неужели, думал я, именно так все происходит? Даже интересно, как такое случается? Трудно в это поверить.

Если бы я не поступил в университет и не встретил ее, я, может быть, и не поверил бы, что такое бывает.... Но встреча с ней заставила меня поверить и в любовь с первого взгляда, а главное, заставила меня испытать все, о чем я только что говорил, - и страдания, и бессоницу, и горечь обид.

Мы с ней учились на одном курсе. С каждым днем меня все больше и больше тянуло к ней. Она, конечно, догадывалась о моих чувствах, но делала вид, что ничего не замечает. Мы разговаривали о самых разных вещах, а вот о главном я не мог решиться заговорить с ней. Да и она так вела себя, что не давала возможности сказать ей о своих чувствах. Вначале товарищи наши ничего не замечали. Но время шло, и это стало ясно всем. На третьем курсе у меня появился соперник. Началась скрытая борьба, хотя поначалу мы не отдавали себе в этом отчета. Каждый старался завоевать симпатию девушки, добиться взаимности.

Я, правда, чувствовал, что победа на моей стороне, однако порой мне казалось, что моя любимая колеблется, мечется между нами, может быть сравнивает нас про себя.

Я и мой соперник ни в чем не походили друг на друга. Я не люблю много говорить и совсем не умею занимать девушек. Но в этом отношении мой соперник отличался не только от меня, но и от всех наших студентов. Любая фраза, произнесенная им, вызывала у

девушек буквально взрывы смеха. И еще одна немаловажная деталь: он был у нас главным модником. Никто из студентов не мог угнаться за его туалетами. Если бы та девушка придавала серьезное значение костюму, мое положение было бы отчаянным. Однако я знал ее и был уверен, что она не из тех, которые увлекаются внешним лоском и не умеют разглядеть душу. И это в какой-то степени утешало меня.

В одном отношении, надо сказать, я отличался от своего соперника, даже имел явное преимущество. У меня были кое-какие литературные способности. Это признавал не только мой соперник, но и все наши товарищи.

Когда мы учились на четвертом курсе, я сердцем чувствовал, что девушка питает ко мне симпатию. И я, наконец, решился. Нет, тянуть больше нельзя, необходимо набраться смелости и откровенно поговорить с ней. И надо же было такому случиться, что именно в эти дни произошел между нами раздор! Словом, не суждено мне было выразить в словах свое чувство, о котором она, конечно, знала, хотя я бережно хранил его в сердце четыре года, мучаясь от собственной нерешительности.

А случилось вот что: на четвертом курсе каждый студент должен был сделать доклад по специальности. Свой доклад я давно сделал. А моя любимая все тянула. Однажды она попросила меня помочь ей. Мы вместе составили план будущего доклада, и я записал, какие книги ей следует прочитать.

Дня через три она подошла ко мне. Я, конечно, поинтересовался, что она успела сделать. И выяснилось, что она решительно ничего не успела, даже не прочитала романа, о котором должна была сделать доклад. Из дальнейшего разговора я понял, что ей хочестя получить от меня не советы, а готовый доклад. На это я пойти не мог. Это уже было бы слишком. Ведь ей предстояло вот-вот получить диплом и начать самостоятельную работу. И еще. К чему обманывать преподавателя, товарищей, самое себя?

Сколько мук и сомнений я перетерпел из-за нее и сколько готов был еще терпеть! Чего бы только я не сделал ради нее? Но сделать то, чего она от меня требовала, я не мог, не мог, потому что не хотел сам,

своей рукой, причинить ей зло. Стараясь быть как можно деликатнее, я осторожно объяснил ей это. Однако она не захотела понять меня. Если бы поняла, то не бросила бы мне такие слова:

«Хорошо, что я не попросила тебя о чем-то более серьезном! Страшно подумать, что бы мне пришлось пережить! – И, смерив меня презрительным взглядом, она, усмехнувшись, добавила: - «Идеальный человек». – И отошла.

Случай этот оказался для моего соперника даром, свалившимся с небес. И он не преминул им воспользоваться. Он протянул ей руку помощи. Умением писать он никогда не отличался, но составить нечто вроде доклада из чужих высказываний ему ничего не стоило. Так он и поступил! На этот раз, правда, менее искусно, чем обычно: времени не было.

Стыдно вспомнить, что это был за доклад. Она читала его, а у меня перед глазами стояли отрывки из разных статей, разных авторов. Он даже не потрудился хоть как-то связать разностильные абзацы.

Начались прения. Уже первый выступающий говорил о бессмысленности такой работы, сказал, откуда взят какой отрывок, сказал, что докладом это назвать нельзя, а вот самообманом можно. Потом выступали другие ребята, в том числе и я. Ни одного доброго слова бедная девушка, конечно, не услышала. Разнесли ее в пух и прах. Преподаватель присоединился к мнению выступающих и в заключение сказал, что доклад студентке такой-то придется переделать.

Не подумайте, что я выступал потому, что хотел отомстить девушке. Нет, я выступил именно потому, что любил ее. Ведь я же знал, что она способна сама написать доклад. Но она не желала трудиться.

После всего, что случилось, она перестала со мной разговаривать. Но и от моего соперника отвернулась - она обиделась на него за то, что он недобросовестно состряпал для нее доклад...

Ну, а вскоре началась война. И меня мобилизовали. С тех пор я ничего о ней не знаю.

Я кончил свой рассказ и внимательно посмотрел на нашу сестрицу. Мне хотелось понять, как она отнеслась к тому, что услышала. Она тоже очень внимательно смотрела на меня и вдруг неожиданно спросила:

- А как зовут ту девушку, Намик?

- Арифа, не понимая, какое это имеет значение, ответил я.

Тут в палату вошел врач, и разговор наш прервался.

* * *

Прошло четыре недели. И нежданно-негаданно я получил письмо. Я смотрел на конверт и не верил своим глазам. Раз, другой, третий я прочитал обратный адрес. Нет, я не ошибся. Вот оно, это письмо:

«Мой дорогой, мой милый, мой умный Намик!

Ты ушел на войну. А я с грехом пополам окончила университет, и меня направили в одну из самых сильных бакинских школ. Все учителя – мужчины – ушли на фронт. Так что нужда в нашей профессии была большая. В первые же дни работы я поняла все свои студенческие промахи. Ну, представь себе, стою я перед знающими способными учениками, они ждут от меня того, чего не могут почерпнуть из учебника, и я теряюсь, потому что не могу удовлетворить их естественных интересов.

Как же я себя ругала, как упрекала за потерянное в университете время! Помнишь, ты корил меня за то, что я частенько не читала книг, входивших в программу. Расскажет кто-нибудь содержание, а я и довольна и отправляюсь на экзамен и кое-как вылезая из положения, вытягивая спасительную «удочку».

А теперь я требую от своих учеников, чтобы они непременно прочли все, что требуется по школьной программе. И они это охотно делают. И признаюсь тебе, что сама только недавно прочла многие книги, которые должна разбирать в классе.

Вспоминая тебя, только тебя, я серьезно принялась за чтение. Я старалась вспомнить все пробелы – и долгими часами просиживала

над книгами. И ночами приходилось сидеть, чтобы провести урок, не краснея перед учениками. Иногда выхода у меня не было. Ведь каждый день ребята ждали от меня чего-то нового. Я же их учительница.

Почему, Намик, я тогда не поняла тебя? Помнишь, как я обиделась, когда ты не захотел написать за меня доклад. Да еще так обиделась, что перестала с тобой разговаривать. Стыдно вспомнить, какой доклад я тогда сделала. А теперь я дважды прочла тот роман, в который тогда не удосужилась заглянуть, и с удовольствием взялась бы сделать настоящий доклад. Но только с тем условием, чтобы ты слушал меня, а потом бы выступил с критикой. Даю слово, что не обиделась бы.

Мой дорогой! Я так надеюсь, что ты поймешь и простишь меня! Я буду счастлива. С нетерпением жду твоего приезда.

Приезжай, приезжай, дорогой мой, скорей приезжай!

Когда поедешь, дай телерамму, я буду тебя встречать!»

Только успел я прочитать письмо, как в палату вошла наша милая сестра. Она подошла ко мне и поздравила с получением письма. Ее заботливые глаза улыбались.

- От кого? – спросила она.

- От Ариффы!... Но знаете, я совсем...

- Что совсем? Что тебя удивляет? – прервала она меня.

- Как она могла узнать, где я, мой адрес?

- Какая разница, как она узнала, важно, что узнала.

Я в упор посмотрел на сестру и вдруг вспомнил, как в тот день, когда я неожиданно для самого себя рассказывал историю своей любви, она спросила, как зовут ту девушку.

- Может, это вы сообщили ей, где я нахожусь? – робко спросил я.

- Предположим, что я, - не скрывая улыбки, сказала она.

- Вы ее знаете?

- Было бы странно, если бы я не знала свою родную сестру.

Я растерялся. Я не знал, что делать, как выразить ей свою признательность.

- Какое у вас доброе сердце... Доброе.... – только и смог я выговорить.

* * *

Теперь, вы, наверно, поняли, чему улыбалась моя свояченица.

1958

ДЕВУШКА-ГЕОЛОГ

Всем и каждому расскажу о тебе, желаешь ты этого или нет. Все равно расскажу. Скромность хороша, если она не переходит границы. Ты очень скупно говоришь о себе. А ведь я о тебе многое знаю. Многое узнал. И это заставляет меня говорить о тебе...

Вечер. Прохладный летний вечер. И на небе и на земле зажглись фонари. Они перемигиваются, переговариваются. Они на судах, на эстакаде отражаются в воде, дрожат, создавая завораживающие видения.

Ты стоишь на эстакаде, облокотясь на железную ограду, и смотришь на воду. Мягкий, легкий ветерок ласково касается твоего лица. Тебе приятно, ты улыбаешься, и на душе у тебя становится хорошо.

Ты задумалась. О чем? Куда увели тебя твои мысли?

Ты вспомнила свой первый приезд на Нефтяные Камни. Ты добиралась сюда по волнам капризного Каспия.

Тогда тоже был вечер. Такой же вечер.... Ты весь день стояла на палубе. Не могла оторвать взгляда от моря. Ты всегда, с самого детства любила море.

К тебе подошел парень. Нерешительно подошел. И робко спросил:

- Вы, наверно, очень любите море?

- Люблю? Я влюблена в море! – истово сказала ты.

Сказала и сама удивилась своей несдержанности. «Что-то я стала слишком разговорчивой».

Парень посмотрел на тебя, потом на море и вздохнул:

- Я завидую морю!

Твои большие серые глаза стали будто еще больше. Ты глядела на юношу, стараясь понять смысл его слов.

- Море... – наконец заговорила ты. – Дружба с морем началась у меня с детства. Я выросла на берегу.

Парень вдруг заулыбался:

- И сейчас эта самая дружба бросила вас в объятия моря. Сюда на работу, да?

Твои худые плечи поднялись и опустились:

- Как знать? Где-то же нужно работать.... Предложили Нефтяные Камни. Я не возражала. Знаете, не хотела, как некоторые мои подруги, проделывать тысячи фокусов, лишь бы остаться в городе. Я сказала себе: « Чем я лучше или чем я хуже тех, кто там работает, на Камнях?»

- Если я не ошибаюсь, вы окончили геологоразведочный факультет?

- Да. А вы?

- Я нефтепромысловый.

Наступило молчание. Возобновить разговор молодому человеку помогла каманча в твоих руках. Кяманча – твой душевный друг, с которым ты делила свои печали и радости.

- Вы даже взяли с собой кяманчу.

- Не могла расстаться с ней. В свободное время буду играть.

- Вы прекрасно играете, я слышал вас.

- Где?

- В институте. На праздничном вечере.

- Ах, вот как...

Разговор опять прервался. Ваши взгляды устремились вдаль. Надолго....

Стали видны Нефтяные Камни.

- Посмотрите, посмотрите, - воскликнула ты, - Лес!... Прямо лес на воде. Огненный лес.... Как странно! Почему-то знакомыми кажутся мне эти места. Будто я приезжаю сюда не в первый раз! Ага, поняла... Словно кто-то перенес сюда частицу моего родного города.... Огни, которые здесь горят, это огни моего Баку! Моего дорогого, любимого Баку!...

- Действительно причудливый пейзаж.

- Вы тоже впервые здесь?

- Да...

.... Через некоторое время пароход причалил к эстакаде. Среди тех кто увидел тебя, нашлись и такие, кто иронически кривил губы:

- Зачем только прислали сюда эту маленькую, худенькую девушку!

- Как то есть зачем? Работать.

- Наверно, выпускница института.

- Что же, что выпускница? Как она, бедняжка, будет тут работать? Не могли найти для нее что-нибудь в Баку!

А ведь и ты слышала эти слова. Но не показала виду! Твои задумчивые серые глаза посмотрели на этих людей, и ты улыбнулась....

* * *

На следующий день в кабинете заведующего ты услышала нечто неожиданное для себя:

- Назначаем тебя оператором. Пока вакансии геолога у нас нет. Немного поработай, привыкни к условиям, потом посмотрим.

- Что же, вам видней.... – ответила ты.

Но про себя-то ты подумала, что оформляют тебя оператором совсем не потому, что нет свободно места, а потому, что у тебя нет опыта. Да, да, именно из-за отсутствия опыта. Не решается назначить геологом девушку прямо с институтской скамьи. Сначала хочет испробовать тебя на операторской работе.

Может, и правда так, как ты думаешь. А может, и в самом деле нет свободного места.

Хотя ты не показываешь виду, все-таки чувствуется, что ты сердисься. А сердиться тебе нельзя, это тебе не идет, - ты кажешься некрасивой. Просто некрасивой.... Недоверие заведующего расстроило тебя, что ли? Ведь ты привыкла не бояться трудностей. Разве твой, пусть короткий жизненный путь не говорит об этом?

Ты училась в восьмом классе, когда в ваш дом пришло большое горе. Умер твой отец, единственный кормилец семьи. Ты была старшей из детей. Кроме тебя были еще две сестры и братишка. Чтобы поддержать семью, ты решила оставить учебу и пойти работать. Через неделю после смерти отца ты долго-долго говорила об этом с матерью. Она сказала, что не разрешит тебе бросить школу, сказала, что сама пойдет работать, что как бы там ни было, а вы все будете учиться.

- Тогда, мамочка, разреши мне учиться и работать. Ведь одной тебе трудно будет прокормить нас. Я уже большая, я должна помогать тебе.

Видя твою настойчивость и не желая обидеть, мать сказала:

- Хорошо, дочка, пока ты ходи в школу, а потом мы с тобой сядем и хорошенько обо всем подумаем. Я знаю, что ты у меня умница.

Она обняла тебя. И ты крепко прижалась головой к ее груди. Ты отчетливо услышала, как сильно стучало материнское сердце... Ты заплакала. Беззвучно. И мать тоже плакала. Но вы не показывали друг другу своих слез.

Утром ты пошла в школу. Ты побледнела и похудела за эти дни. Грустная и задумчивая, ты медленно шла, низко опустив голову. Даже походка у тебя изменилась. В ней появилась какая-то нерешительность. Неуверенным стал твой шаг. Да, ты осталась без отца. Без отца!... Без отца ты должна жить. Без отца учиться. Все, все без отца!...

Я хорошо знаю, что это значит. Но не это тяготило тебя. Не в том дело, что семье твоей будет теперь трудно жить и что маме придется пойти работать. А тебе – и работать и учиться. Ведь учебу ты никогда не бросишь...

Главное вот в чем: ты очень любила своего отца. Очень. Если ты день не видела его, ты скучала. У тебя была потребность советоваться с ним решительно обо всем: принять без него какое-либо решение, нет, тебе даже в голову это не приходило. И отцом, и наставником, и другом – всем был он в твоей жизни.

А теперь, теперь ты больше не увидишь его. Никогда. Не услышишь его голоса. Никогда. Ведь раньше тебе казалось, что отец всегда будет рядом. А как же? Куда же он денется! Никогда не оставит тебя, свою любимицу. Но смерть! Об этом ты никогда не думала... А ведь в любое время, в любую дверь может постучаться смерть!... Она и сильна, и беспощадна!...

Многое может преодолеть человек! Почему же он бессилен перед смертью? Почему?

Об этом ты думала по дороге в школу. Вопросы ты задавала себе совсем не детские. И неожиданно возникшее решение твое, пожалуй, не соответствовало твоему возрасту. Ты вдруг реально

ощутила зародившееся в твоей душе, в твоём сознании новое, неведомое тебе прежде чувство. Чувство ответственности.

Случившегося не изменить. Тетива натянута, стрела пущена! Надо действовать. Ты старшая дочь в доме. И вести себя ты должна как старшая. А значит, ты должна утешать младших, учить их добру и прилежанию. Ты должна стать опорой матери. Ты должна пытаться своей чуткой помощью облегчить ее горе.

С этой мыслью ты и пришла в школу. Зашла в класс. Села на свое место. Твои товарищи собрались вокруг тебя. Ты заплакала, хотя из всех сил старалась сдержать слезы. Подруги стали утешать тебя. Тут прозвенел звонок. Вошла учительница литературы. Вы встали. Сказав «садитесь!», учительница подошла к тебе. Погладила по голове. Она тебя любила. Но никогда не показывала этого. А в тот день она не скрывала своих чувств...

На перемене ты рассказала ей – своей любимой учительнице – о разговоре с матерью. Она тоже считала, что ты не должна бросать учебу. Она сказала, что ты будешь стараться помочь матери по дому. А работать и учиться одновременно тебе не под силу.

Так оно и было. Ты старалась. Ты очень старалась, чтобы мама могла отдохнуть, вернувшись со швейной фабрики. Кое-как вы начали справляться с навалившимися на вашу семью трудностями.

И потом, когда ты уже училась в Азербайджанском индустриальном институте, тебе тоже было нелегко. На третьем курсе ты стала работать оператором по нефтедобыче в Бухте Ильича. Ты, конечно, очень уставала. Бывало, едешь домой в трамвае или на троллейбусе и спишь, прислонившись к холодному окну. Тебя уже заметили кондукторы и будили на нужной остановке, хотя им жалко было нарушать твой сон. Почувствовав на своем плече ласковое прикосновение руки, ты вздрагивала, широко открывала глаза и, смущенно поблагодарив, быстренько пробиралась к выходу.

Да, таких трудностей было много. Но стоит ли теперь подробно перебирать их.

Но вот о чем я подумал. Как хорошо, что отец научил тебя играть на кяманче! В самые трудные минуты ты искала утешения в музыке. С кяманчой делила ты свои горести и печали.

* * *

На Камнях ты носила простое ситцевое платье. Волосы ты всегда заплетала в две косы и, как бывало в школе, завязывала их красными лентами. Если ты появлялась без красных лент, нефтяники, твои друзья, удивлялись. Они привыкли к этим лентам так же, как привыкли к тебе.

Полгода проработала ты оператором. Ты всегда была возле скважин. Исследовав одну скважину, ты спешила к другой. Пульс скважины будто бился у тебя в руке.

Прошло немного времени, и люди стали говорить о тебе:

- Эта девочка прямо огонь!...

- Рассудительная. Дай ей бог и дальше так. А на кяманче как играет! Заслушаешься. Идешь мимо общежития, непременно остановишься, когда она играет. За душу берет!

И вот пришел день, когда тебя назначили геологом на промысле.... До конца месяца оставалось немного. Было опасение, что первая бригада не выполнит месячного плана. Одна скважина, та, что дальше других от эстакады, подводила, давала мало нефти. А в последние дни стала еще давать перебои. Помощник мастера бригады выходил из себя. Ведь сейчас он заменял мастера. Тот уехал отдыхать.

Как на грех дули сильные ветры. Выходить в море было опасно. «Будь они неладны, эти ветры! – ворчал помощник. – Ждали, будто нарочно, конца месяца. А теперь, докажи, что ты мужчина, выходи из положения».

И решил помощник посоветоваться с другом – мастером по исследованию скважин. Надо же узнать, можно ли выходить в море в такую погоду.

А этот самый друг в тот день помогал вам исправлять карту. Вот и пришлось помощнику зайти в вашу комнату. Ну, пришел, он, поздоровался и залился краской, и вспотел, хотя в комнате было довольно прохладно. А ему вот вдруг стало жарко. Почему бы? Не без причины. Ведь и ты, увидев его, изменилась в лице. И между прочим, по той же причине.

Вы приехали на Камни в один день. Ведь ты же сразу почувствовала, что парень интересуется тобой, только виду не показывала.

Может быть, он полюбил тебя....

Любовь. Сколько книг ты прочла о любви! Как завидовала тем, кого по-настоящему любили! Когда ты стала старше, ты уже не просто завидовала, а мечтала о большой, светлой любви. Ты уже мечтала о семье. Да, о семье.

Говорят, у каждого своя судьба. Где же она, твоя судьба? Почему себя не показывает? А тебе и хотелось, и не хотелось поскорее узнать ее.

Хотелось потому, что интересно, какой он, кто он, друг всей твоей жизни. К чему скрывать, ведь не только нравственный и духовный облик человека заботил тебя, но и его внешний облик тоже. Однако тут ты не давала волю своему воображению. «К чему, мол, мужчине красота, был бы умным...»

А не хотелось его поскорее узнать потому, что ты боялась разочароваться. Вдруг он окажется совсем не таким, каким виделся тебе в твоих мечтах. Или ошибешься в нем: «Он не тот, за кого я его принимала...» Или вдруг... Сколько было этих «вдруг»....

Но, оставаясь одна, ты все-таки думала об этом. Почему-то в последнее время ты часто вспоминала живших когда-то с вами по соседству молодоженов. Они то и дело ссорились. Крик стоял на весь двор. Больше всего это сердило твоего покойного отца. Порой он не выдерживал и шел к ним, чтобы утихомирить их.

Однажды, вернувшись домой после такой вот ссоры, отец сказал матери: «Девушка должна выходить только за такого человека, который понимает ее. А то получится, как у этих... Жена говорит одно, муж – другое. Разве это супружество? Правильно говорят: не найдешь пары по себе, дни твои пройдут в ахах и охах...»

Ты много думала об этом и писала в дневнике – ему ты поверяла свои тайны: «Любить, понимать друг друга, быть ласковыми, приветливыми, искренними – как это прекрасно! Непременно все это вместе. Тогда – счастье!...

Как справедливы твои слова, отец!... Я поступлю, как ты говорил! Так поступлю, чтобы не оскорбить память о тебе... Я должна быть счастлива. Ведь это была твоя мечта, отец! Я не прощу себе, если не выполню твоего завета.

Где, ну где же тот человек, который поймет меня? Почему он не появляется?...»

Он появился. И ты это чувствовала. Но колебалась. Нет, нет, ты хотела проверить, испытать, крепка ли его любовь. Поэтому ты не давала ему возможности поговорить с тобой, раскрыть свое сердце. Ты избегала его.

Шли дни. Много прошло дней. Ваша любовь крепла.

Рассказав другу о положении скважины, помощник спросил:

- Ты пойдешь сейчас со мной в море?

- Я готов.

- Тогда едем.

- Я тоже еду, - сказала ты. – Эту скважину я хорошо знаю, мне известны ее секреты.

- Нет, в такую погоду вам будет трудно. – Это сказал он. Потому что боялся за тебя.

- Конечно, будет трудно, - поддержал своего друга мастер по исследованию скважин. – Я тоже считаю, что вы не должны ехать.

Ты вспыхнула:

- Почему это вам не трудно, а мне будет трудно? Я поеду.

Ты была уверена, что они не хотят брать тебя только потому, что ты девушка. И это тебя особенно сердило. Задевало твое самолюбие. Ты решительно готовилась к поездке.

Диспетчер говорил, что сейчас он никого не может заставить выйти в море. Если кто добровольно пожелает, другое дело.

Доброволец нашелся. Это был молодой капитан. Глядя на тебя, он сказал:

- Если наш геолог – девушка – решается в такую погоду выйти в море, то почему бы и нам не выйти.

Ты раньше всех прыгнула в баркас.

Каспий невозможно было узнать. Где она, мирная, голубая гладь! Волны с ревом накатывали друг на друга, и баркас, подчиняясь воле разбушевавшейся стихии, то вздымался на вершину пенистого холма, то падал в бездну. У тебя кружилась голова, но ты и виду не показала, а, стиснув зубы, терпеливо ждала, что будет дальше...

После долгой битвы с волнами вы все-таки добрались до площадки нужной скважины. Пенящиеся волны залили площадку. Вы исследовали скважину. Все стало ясно. Скважина больше не может работать с поставленным ранее десятимиллиметровым штуцером. Вы заменили его на шестимиллиметровый. Вы нашли и другие неполадки в скважине и устранили их. Можно было возвращаться.

Ты прыгнула на палубу баркаса. У тебя подвернулась нога. Ты никому не сказала об этом. А боль все усиливалась. Когда вы приблизились к эстакаде, ты выскочила из баркаса и вскрикнула от пронзившей ногу боли.

- Что, что случилось? – услышала ты голос помощника, однако ответить ему не смогла.

Очнулась ты в больнице....

Товарищи по работе часто навещали тебя, не давали грустить. А он? Он просто не отходил от твоей постели. Его заботливая сердечность смущала тебя. И однажды ты сказала:

- Мне так неловко, что из-за меня у вас сорвался отпуск.

- Ну не надо так говорить. – Он был явно огорчен.

- Хорошо, не буду... А вы в душе не смеетесь надо мной?

- А это еще почему?

- Ведь вы не хотели брать меня с собой... И вот что получилось с упрямой девчонкой...

- Это случайность. Даже на ровном месте можно и вывихнуть, и сломать ногу....

- Да, но из-за меня вы не поехали в Баку.

- Может быть, не будем об этом говорить?

- Хорошо, больше не буду. Завтра я попрошу врача выписать меня.... Надеюсь, возражений нет?

- Если вы меня серьезно спрашиваете, есть....

- Нет, не возражайте.

* * *

Ты любила смотреть на поднимавшееся из-за моря солнце. Это уже вошло у тебя в привычку. Но в тот день ты почему-то опаздывала. Солнце уже оторвалось от моря и успело подняться. Его золотистые волосы давно купались в голубых водах.

Главный геолог ушел в отпуск. Вся геологическая работа на промысле перешла в твои руки. Малейшая твоя оплошность могла стать причиной большого несчастья.

По дороге в управление ты повстречалась с помощником мастера. Вы шли, оживленно разговаривая. И тут возле вас затормозила машина. В ней ехали работники его бригады.

- Что-нибудь случилось?

- Снова вода.

Взволнованный, он посмотрел на тебя. Смысл этого взгляда был ясен. И ты, не говоря ни слова, села в машину.

Вскоре были у скважины. Тут появились и мастер по исследованию скважин, и главный инженер промысла. После внимательной проверки вы пришли к решению, что надо простреливать пласт. Однако потребовалось два дня, чтобы проделать необходимые операции. Только после этого ты разрешила простреливать пласт... По твоему лицу, по твоим глазам можно было понять, что дело будет сделано, что скважина наверняка даст нефть...

Когда вы остались вдвоем, то продолжили разговор, прерванный два дня назад. И игравшие у ваших ног волны слышали, что вы говорили друг другу. Неожиданно поднялся ветер. Он тоже услышал ваш разговор и, взбаламутив море, направил волны в Баку, чтобы известить твою мать о том, что произошло....

* * *

Ваши бакинские соседи по звукам твоей кяманчи узнавали, что ты дома. Стоило тебе заиграть, как пожилой сосед начинал вслух восхищаться:

- Молодец, девушка! И музыкант, и геолог!

А молодой сосед вздыхал:

- Так ирает, бесенок, будто не на кяманче, а на струнах самого сердца!

Соседка – школьница – спрашивает у своей матери:

- Мама, а я смогу так играть?

Всех волнует твоя игра. Глаза матери наполняются слезами. Наверно, в эти минуты она вспоминает твоего отца. Ведь это он научил тебя играть на кяманче... У твоей матери приятный голос. Иногда она выполняет твою просьбу и тихонько подпевает тебе. А случается, что и

ты присоединяешься к матери. И так вы хорошо поете под аккомпанемент твоей кяманчи!...

Да, твой приезд всегда вносит в семью и оживление, и радость...

Громкий свисток стоящего поблизости баркаса выводит тебя из задумчивости. На небе и на земле горят золотые огни. Они перемигиваются, они разговаривают. И небесные огоньки, и огни пароходов, и те, что горят на эстакаде, - все глядят на свое отражение в воде.

Ты стоишь на эстакаде, облокотясь на железную ограду, и смотришь на воду. Мягкий, легкий ветерок ласково касается твоего лица. Тебе приятно, ты улыбаешься, и на душе у тебя становится хорошо.

Ты задумалась. О чем? Куда увели тебя твои мысли?

Сейчас они увели тебя в будущее. И близкое. И далекое. Потому что ты вступаешь в новую пору жизни...

1957

МАТЬ

Рассказывали, что, забившись в какой-нибудь укромный уголок, она часто плачет. Однажды я и сам был свидетелем этого. Подчиняясь естественному желанию. Утешить женщину, я подошел к ней. Да, подошел и не произнес ни слова. А что я мог ей сказать? Ведь вокруг только и твердили: «Не терзай себя, тетушка Лейла! Что из того, что нет письма, наверно, он далеко, письма идут долго. Бог даст, сам приедет». Мог ли я так же вот успокаивать ее? Нет. Не мог! А правдой, во всей ее страшной наготе, я тем более не мог успокоить ее измученное сердце. Не смел. Когда я думал об этом, слова замирали у меня на языке.

Тетушка Лейла жила с нами по соседству. С того дня как я после ранения вернулся с фронта, она довольно часто заходила к нам. Я чувствовал, что ей хочется и видеть меня, и говорить со мной. Но всякий раз, когда она появлялась, я физически ощущал горе – сжималось сердце, туманило голову, застилало глаза. В такие минуты

тетушка Лейла внимательно смотрела мне в глаза и, не зная истинной причины моего состояния, начинала ласково увещевать меня:

- Да паду я твоей жертвой, сын мой! Не должен ты так печалиться. Всякое может приключиться на войне. Слава Аллаху, что ты вернулся живым!... И раны твои зажили... Конечно, ты еще немного слаб, ну и что же, и это пройдет.

Порой ее слова придавали мне смелость, и я уже был готов рассказать ей все, что было в том бою. Я должен был выполнить наказ своего друга. И все-таки... Все-таки я молчал.

Лежал я как-то в тени старого раскидистого дуба, росшего у нас в саду, и читал книгу. И вдруг до меня долетел надрывный, пронизывающий сердце голос. Я стал прислушиваться. Кто-то плакал и грустно пел:

На поляне мака нет,
Никакого знака нет,
Сыновья у всех вернулись,
Моего, однако, нет.

Перевод В.Кафарова

Волосы у меня на голове, казалось, зашевелились. Дрожь пронизала меня с головы до ног. Я не сразу узнал голос, но все-таки он показался мне знакомым. Я встал и заглянул в соседний двор. Это пела и плакала она, тетушка Лейла. Она сидела перед домом и орошала слезами носок, который вязала. Я хотел уже пойти к ней, но тут как раз откуда-то прилетела сорока и опустилась на карагач, что рос у рва, отделявшего наш сад от сада тетушки Лейлы. И застрекотала, и застрекотала. Словно очнувшись от сна, тетушка Лейла подняла голову и, наверно увидев птицу, поднялась на ноги.

- О сорока, - взволнованно заговорила она, - добрая вестница тоскующих матерей! Если сын мой вернется, перелети, сорока, на другое место, ну, пожалуйста, перелети!

Но сорока не вняла просьбе тетушки Лейлы. И бедная женщина стала жалобно ее уговаривать:

- Ведь я же мать, сорока, если сын мой жив и вернется, возьми и перелети на другую ветку, слышишь, перелети.

Сорока продолжала равнодушно сидеть на той же ветке и крыльями даже хлопала, но с места не двигалась. Тетушка Лейла не сводила с нее глаз.

Я был в смятении. Я не знал, что делать. Наверно, невыносимая жалость к этой одинокой женщине подсказала мне, что я должен заставить сороку перелететь на другое дерево.

Ползком я добрался до карагача и, подняв с земли небольшой камушек, запустил им в сороку. Птица взлетела. В это мгновение я увидел, что лицо тетушки Лейлы осветилось надеждой и на ее дрожащих губах промелькнула улыбка...

Удовлетворенный своим поступком, я следил за тетушкой. А она стояла умиротворенная и все повторяла: «Вот спасибо, вот спасибо». Потом засеменила к дому.

Назавтра все повторилось. Бедная тетушка Лейла, поверив в добрую весть, больше не плакала.

А меня мучила совесть. Зачем я обманул ее? Почему столько времени скрывал истину? Имел ли я право не выполнить воли моего друга? Почему я не передал матери его последних слов? Вопросы эти преследовали меня, не давали покоя. Ни о чем другом я не мог думать. Для чего я спугнул сороку?...

А тем временем птица привыкла к ласковому голосу тетушки Лейлы и, услышав его, взмахивала крыльями и перелетала на соседнюю ветку. Старая мать радовалась, а я все больше печалился.

* * *

Стоял жаркий августовский день. У нас во дворе собрались наши друзья и соседи. Тетушка Лейла тоже была здесь. Разговор шел о самых разных вещах, но, как всегда, свелся к войне. И дядюшка,

повернувшись ко мне, попросил рассказать что-нибудь из фронтовой жизни.

Оглядев собравшихся, я невольно задержал взгляд на лице тетушки Лейлы. И она посмотрела на меня своими измученными глазами, уставшими смотреть на дорогу. Я заколебался, не хотелось мне говорить. Почувствовав это, тетушка Лейла попросила тихо, дрожащим голосом:

- Говори, сынок, говори, согрей своим рассказом материнское сердце.

- Хорошо, - сказал я. – Я расскажу вам о своем боевом друге, о нашем земляке.

Сначала я рассказал, как мы встретились на фронте, как попали в одну роту, о первых боях, где мы бились плечом к плечу. Рассказал, каким смелым он был, каким чутким и верным товарищем. Наконец я перешел к самому главному.

- Мы дали друг другу клятву никогда не расставаться. И мы бы не расстались. Смерть разлучила нас. В том, последнем для него, бою мы тоже были рядом... Вдруг, словно пораженное молнией дерево, он распростерся на земле. Я кинулся к нему. Пуля угодила ему в рудь. Приподняв ему голову, я положил ее к себе на колени. Я гладил его и приговаривал: «Все обойдется, рана не страшная». – «Не утешай меня.... Не надо... - прошептал он. – У меня просьба... Если вернешься домой, пойди к нам... Поцелуй глаза моей матери. Скажи ей.... Когда у других сыновья начнут возвращаться... и она не увидит среди них меня.... приглушит свое горе... пусть не плачет... Так я хочу...»

Мы похоронили его с почестями и поклялись отомстить за него...

В глазах тетушки Лейлы стояли слезы. Она тяжело дышала. Она в упор смотрела на меня. И я поник перед этим обжигающим взглядом. Я не смог, мужества у меня не хватило произнести имя своего друга. Имя ее сына. И я не сказал: «Разрешите мне поцеловать твои глаза...»

* * *

Я почти ежедневно встречаю тетушку Лейлу. Она всегда внимательно, вопрошающе смотрит на меня. Я не отвожу взгляда. Но она ни о чем и не спрашивает. Она боится моего ответа.

Да, боится... Боится.... Потому что она мать!

1944

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Перевод В.Кафарова

Как ты сама	2
Дракон	3
Тоскую	4
Есть одна песня	6
Мои деревья	8
Трудный путь	8
Осень	10
Какая сила!	11
Полет орлов	11
Всю нашу жизнь	12
Все так же	13
Шкатулка	13
Один день	15
Дочери Татарии	16
Сердце мое!	16
Гуманизм	17

Свидания	17
Красавица	18
Проточная вода	20
Размолвка	21
Не хочу	22
Язык мой азербайджанский	23
Сходство	24
Мать и земля	24
Две двери	25
Одно слово	26
День жизни	27
Первый снег	29
Любовь	30
Человек	31
Пчела	32
Век цветка	33
Надежда и явь	34
Свет и мрак	34
Поезд уходит	35
Первые шаги	36
Признание женщины	38
Ты не остался без глаз	40
Когда луна расплескивает свет	43
Памяти Абдуллы Шаига	45

Отец46
Легенда о фиалке46

РАССКАЗЫ

Перевод А.Дмитриевой

Вернется ли?50
В своем глазу57
В доме растет ребенок60
Конец тревоге63
Имя97
Строитель102
Истинная правда105
Назовите сами109
Привет111
Зависть113
Доброе сердце116
Девушка-геолог126
Мать138

Гюльгусейн Гусейноглу
(Абдуллаев Гюльгусейн Гусейноглу)

ПОЛЕТ ОРЛОВ

М., «Советский писатель», 1979, стр. План выпуска 1978 . № 223.
Редактор В.Х.Ганиев, Худож.редактор Д.С.Мухин. Техн.редактор
З.Г.Игнатова. Корректор Т.П.Лейзерович

ИБ № 1408

Сдано в набор 05.12.78. Подписано к печати 23.05.79. А 00945. Формат
70X108.